

Анна
ДЖЕЙН

ПОКЛОННИК

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Анна Джейн

ПОКЛОННИК

«Автор»

2024

Джейн А.

Поклонник / А. Джейн — «Автор», 2024

Каждый день Ангелина Ланская получает шикарные букеты. Казалось бы — мечта любой девушки, однако цветов всегда четное количество, а отправитель скрывает свою личность в тайне. Кто он, ее таинственный поклонник? Кто-то из старых знакомых? Или тот, кто однажды изменил ее жизнь? Или красивый парень, с которым она познакомилась в метро? А может быть, это богатый наследник, который помешался на ней? И чего он хочет — быть с Ангелиной, сделать ей больно или преследует иные цели? Ведь поклонник точно знает, как заставить ее думать только о нем. Что их ждет — любовь или смерть? Члены закрытого клуба Легион уже сделали свои ставки. ОДНОТОМНИК

© Джейн А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Анна Джейн

Поклонник

Елене Полегенько, которая с самого начала рядом.

Caritas omnia credit.

Любовь всему верит.

Пролог. Боль

Ночью на крыше был только один хозяин – северный ветер. Он дул так, что, казалось, замерзают даже кости. Пронизывал насквозь и нес с собой гнев и тоску – в каждом своем порыве.

С ненавистью ветер бил в спину высокого парня, стоящего с телефоном в руках на самом краю крыши. Трепал его темные волосы. Пробирался под одежду. И пытался столкнуть вниз – раз за разом, несмотря на молчаливое осуждение стылых звезд, рассыпавшихся по темному небу.

Но парню не было дела до ветра и холода. Он не замечал звезд. И не слышал сумасшедшего стука собственного сердца.

В самом конце ничего этого не замечают.

Глядя на пылающий огнями осенний город, он записывал голосовое сообщение на телефон, почти касаясь его корпуса потрескавшимися губами.

– Это последний раз, когда ты меня услышишь, и я хочу, чтобы ты не сохраняла эту запись, а сразу удалила ее. Вторая моя просьба – запомни мой голос и мои слова. Запомни меня таким, каким я был в наши лучшие моменты.

Он судорожно вздохнул, замолчал на несколько секунд и хрипло продолжил:

– Знаешь, я ведь никогда не верил в любовь. Это казалось мне полным бредом. Так, выдумка для идиотов, которым не во что верить. Я был уверен, что любовь – это эгоизм. Что люди считают, будто влюблены, всего лишь находя в других то, что им нравится, или то, чего им не хватает. Я точно знал – мы любим себя и свое отражение в тех, кого выбираем. А любовь... То, что называют любовью, – всего лишь химическая реакция мозга. Если бы еще полгода назад кто-то сказал мне, что я влюблюсь, я бы решил, что этот человек не в себе. Но когда я встретил тебя, всё изменилось. Как это произошло? За одно мгновение, за несколько дней или месяц? Не знаю. Правда, не знаю. Когда я увидел тебя впервые – помнишь, на Дне рождения друга? – то понял: что-то в ней есть. А потом понял – в ней есть *всё*, что я искал раньше. И нет *ничего* из того, что мне бы не нравилось... Знаешь, чувствую себя как на исповеди, хотя никогда там не был. Хочется закурить, но ничего с собой нет – ты же просила бросить.

Новый порыв ветра с такой силой толкнул его в спину, что он оступился. Но это его совсем не испугало – страха теперь не было. Его перемололо в муку из усталости и сожалений. Осталось лишь развеять его по ветру.

– Что это? Страсть? Привычка? Зависимость? Я долго не мог понять, что чувствую к тебе, – продолжал стоящий на краю крыши парень. – Понял, что это любовь, в тот вечер, когда заснул, а ты накрыла меня одеялом, села рядом и положила голову мне на плечо. Ты думала, что я сплю, но я всего лишь закрыл глаза. А когда заснула ты, взял тебя на руки и унес в спальню. Ты спала, а я сидел рядом и наблюдал за тобой. Во сне ты особенно красива, Роза. Красива и беззащитна. А я слишком сильно тебя люблю, чтобы позволить обидеть.

Должно быть, эту любовь нам подарил дьявол. Я сяду на звездный корабль и отправлюсь к нему, чтобы защитить тебя. – Его темные глаза блестели – наверное, от слез, но голос стал решительным.

– Если делать выбор между мной и тобой, я выберу тебя. Почему? Потому что я люблю тебя. В конце концов, все звезды внутри нас. Твоя звезда сияла ярче других, и я хочу сказать тебе спасибо за это. Кажется... кажется, мой корабль уже подошел. Мне пора. Ни о чем не жалею и будь счастлива за двоих.

Он закончил запись и сунул телефон в карман.

Последняя улыбка небу.

Короткий выдох.

Еще один шаг вперед.

Прыжок на парашют.

Вдох.

Маленький шаг вперед.

Еще один.

Выдох.

До бездны осталось всего мгновение. Кроссовки выступают за край. В горле сухо.

В ту секунду, когда он был готов прыгнуть, пришло новое сообщение.

В самом конце хочется остановиться.

Оттягивая момент неизбежности, дрожащей рукой он вытащил второй телефон, обычный.

И увидел то, что всё изменило.

По пустой лестнице изо всех сил бежал парень. Легкие горели, сердце бешено колотилось, мышцы в ногах плавилась и разрывались, но он не останавливался. Нужно было успеть до того, как случится непоправимое. И он бежал, и бежал, и бежал. Преодолевая пролет за пролетом.

Когда он, хватая воздух ртом, появился на крыше, на ней уже никого не было. Только откуда-то снизу кричали. Громко. С ужасом.

По этому крику он сразу понял, что не успел. Что самое страшное всё же произошло. Что это конец.

Парень медленно направился к краю, уже зная, что увидит. С такой высоты всё казалось сюрреалистичным, словно нарисованным, – и лежащий внизу человек с неестественно вывернутыми ногами, как у сломанной куклы, и игрушечные люди, испуганно жавшиеся в стороне у фонаря.

Крови видно не было, но он вдруг почувствовал ее медный запах.

Он встал на парашют, глядя вниз, точно зная, *кто* лежит там, на асфальтированном дне бездны.

Там, внизу, на мокром асфальте лежал его брат.

Он беззвучно заплакал, как мальчишка, сжимая кулаки так, что побелели костяшки.

Личный ад медленно поглощал его – сантиметр за сантиметром. А ветер хохотал, как безумный, трепля волосы и забираясь под одежду.

«*Ты следующий, ты следующий*», – выкрикивал ветер.

И тогда, чтобы заглушить ветер, парень и сам закричал. Так, что напряглась каждая жила на его шее. Он звал по имени брата, которого больше не сможет увидеть. Закрывал мокрое от дождя и слез лицо ладонями и просил вернуться. Когда он спрыгнул на кровлю и упал на колени, красивое лицо его исказилось от осознания внезапной потери.

В руке брата была зажата предсмертная записка, которую он нашел.

«В моей смерти прошу никого не винить. Мама, папа, брат, простите, я больше так не могу».

Он не заметил черную тень, вынырнувшую из-за коробок.

Тень бесшумно скрылась за дверью и понеслась вниз.

Тень благополучно покинула высоту и выбежала на улицу. Она долго наблюдала за тем, как вокруг мертвеца собирается толпа, как подъезжает «скорая» и полиция, как кто-то ведет брата, чье лицо кажется мертвенно-белым.

Сердце тени радостно ухало. Жаль, что нельзя было подойти ближе, чтобы почувствовать запах крови! Но как же красиво всё сыграно!..

Кто говорил, что сотворить жизнь – это высшее искусство? Высшее искусство – устроить смерть.

Тень ушла. В ее руках был телефон погибшего. Первый.

А звезды сияли всё так же ярко.

Часть 1. Страх

Qui ventum seminat, turbinem metet.

Кто сеет ветер, пожнёт бурю.

Думаешь, что это месть?

И что я достоин презрения?

Тебе стоило это учесть –

Твои слезы – мое вдохновение.

Твои слезы – улыбка и смех.

Твои слезы – лекарство от боли.

Я возьму на себя этот грех.

И цветами его от всех скрою.

Глава 1

Я ненавижу цветы.

Смотреть на них не могу. Меня тошнит от их запаха. И мне до безумия надоело ухаживать за ними – менять воду, обрезать стебли, убирать засохшие листья. Но я не в силах перестать это делать. Изодня в день я ухаживаю за ними, чтобы облегчить им медленную агонию.

Мне безумно их жаль. И жалость перебивает ненависть.

Цветы нельзя срывать. Сорванный цветок обречен на мучительную смерть.

Иногда мне кажется, что я начинаю их любить – сквозь жалость и ненависть.

Раннее сентябрьское утро. В квартиру льется нежное янтарное солнце. Из приоткрытого окна доносятся звонкие детские голоса и глухой звук мотора. Только пахнет не привычными кофе и тостами – воздух пропитан сладковатым, удушающим ароматом умирающих цветов. В моем доме их несколько сотен. Они всюду. И мне кажется, что я сама пропахла ими.

Я стою у двери. И жду, прильнув к глазку.

Мне не по себе. Нет, мне *страшно*.

И я не знаю, как побороть этот страх. Не знаю, с кем поделиться им. И не знаю, кто сможет меня понять.

Вместо того чтобы краситься и спешно завтракать, торопливо заряжая телефон и засовывая в рюкзак конспекты, я стою у двери и напряженно смотрю в глазок, чтобы не пропустить

того, кто принесет мне очередной подарок. Мне точно известно, что сегодняшний день не станет исключением из этого двухнедельного правила.

Кухонный нож в руке кажется тяжелым, будто топор.

Каждое утро я получаю цветы от незнакомца. Я нахожу букеты около своей двери – всегда с одной и той же открыткой, на которой изображена красивая девушка, стоящая на краю пропасти. Вот-вот она сорвется и полетит вниз. Ее прекрасные русые волосы развеваются на ветру, глаза закрыты, а руки раскинуты, словно крылья. На ней чудесное платье, будто сотканное из обрывков звездного неба. А еще ей страшно. Она не хочет падать, но ее уже толкнули в спину.

В открытке написано лишь одно слово. Мое имя. Ангелина.

Цветы мне присылают разные.

Кроваво-красные, лавандово-розовые, небесно-синие. Ярко-оранжевые, словно летний закат на море. Молочно-пломбирные, будто белый шоколад. Нежно-фиолетовые, точно разбавленная акварель.

Нежные пионы и страстные розы. Игривые ирисы и печальные сухоцветы. Изящные хризантемы и жизнерадостные подсолнухи. Тюльпаны, гвоздики, герберы, лилии и снова розы. Розы мне присылали трижды – алые, желтые и черные. Черные розы меня напугали – они выглядели печально и укоризненно, будто предвестники скорой смерти, и я, не сдержавшись, выбросила корзину. Остальные цветы я храню дома до тех пор, пока они не увянут. Вся моя квартира заставлена ими, я словно в оранжерее.

Но кто это делает, я не знаю.

Сначала это было невинно и мило. Как в романтической истории, в которой мечтает оказаться любая девушка.

Тем ранним субботним утром я, сонная и растрепанная, услышала звонок в дверь и нашла за ней свой первый букет – охапку белых летних ромашек в крафтовой обертке. Их была целая сотня, и смотрелись они потрясающе.

Сначала я не поняла, кому предназначен букет. Никто и никогда не дарил мне раньше таких цветов! Откуда они могли взяться? Это, должно быть, ошибка! Может быть, они предназначены кому-то другому?

Но когда я увидела свое имя и для верности перечитала его несколько раз, то на моем лице появилась недоверчивая улыбка. Это были цветы для меня. Я забрала их и поставила в самую красивую вазу в своей комнате, отгоняя от себя мысль, что, возможно, их принесли для какой-то другой Ангелины.

На следующее утро меня ждал второй букет – пышные оранжево-красные альстромерии в упаковочной сетке. Я нашла их, когда возвращалась с пробежки. И снова я улыбалась, видя свое имя и пытаясь вдохнуть цветочный аромат, но альстромерии ничем не пахли, будто были стерильными.

На следующее утро я снова получила цветы. Настроение было невероятным – казалось, будто у меня появился тайный поклонник, который влюбился в меня с первого взгляда и до последнего вдоха. Я улыбалась весь день и гадала, кто бы это мог быть. Тот темноволосый парень из параллельной группы? Мальчик в очках из соседнего подъезда, с которым мы время от времени переглядываемся? Или странный длиноволосый тип, который проводил меня до дома и попросил номер телефона пару дней назад?

Я не знала, кто этот человек, но была уверена, что он замечательный. Плохие люди не будут дарить цветы, верно? И с нетерпением ждала встречи, точно зная, что он мне понравится. Мне не мог не понравиться человек, который знал толк в цветах. Он представлялся возвышенным и романтичным, добрым и смелым. Этаким современный принц. Цветочный лорд, который пойдет на всё, чтобы защитить свою прекрасную принцессу.

Я стала называть его Поклонником. Это прозвище придумала моя лучшая и единственная подруга Алиса, которая считала, будто в меня влюблен какой-то невероятный парень. Мы обе представляли Поклонника светловолосым и темноглазым, с обаятельной улыбкой и крепкими плечами, на которые можно было опереться.

Но я была слишком наивной. Только глупые люди так опрометчиво верят в иллюзию счастья. Счастье – лучшая наживка, на которую может клюнуть столь доверчивая рыбка, как я.

Я находила цветы у порога каждое утро. Однако Поклонник, явно тратя на них большие деньги, не появлялся. Принца всё не было и не было, и сказка, к которой я так тщательно готовилась, всё откладывалась. Я фотографировала букеты – на зависть всем своим подружкам и знакомым девчонкам – и выставляла фото в инстаграме, давая понять своему таинственному поклоннику, что не прочь была бы с ним познакомиться, но дни проходили, а он ничего не давал о себе знать.

Я не сразу поняла, что цветов всегда оказывалось четное количество – их всегда приходило слишком много, а я не пересчитывала. Не то чтобы я была суеверна, но это безумно смущало. Чего хочет Поклонник? Моей смерти? Или это его способ сказать, что он любит меня до гроба? А может быть, надо мной изощренно издеваются? Но кто?

Тогда мне сразу вспомнилась та холодная ноябрьская ночь, которую я уже больше двух лет отчаянно пыталась забыть. *Тот человек* не мог быть Поклонником.

Романтический настрой постепенно сошел на нет, а душу всё больше и больше захватывал непонятный липкий страх. Я жила одна: еще в середине августа мама уехала в Крым к сестре на полтора месяца – поправлять здоровье после тяжелого воспаления легких – и во мне проснулся параноик. Я по несколько раз на дню проверяла замок на входной двери – мне казалось, будто кто-то тихо пытается его отпереть. Задернула все шторы, боясь, что в окна кто-то заглянет, хоть и жила на третьем этаже. Старалась не смотреть в зеркала – казалось, что оттуда кто-то наблюдает за мной. С оглядкой ходила по подъезду, а когда посреди ночи неожиданно раздался звонок в дверь, подпрыгнула, чувствуя, как сердце вырывается из груди от страха.

Я стала нервной и дерганой. Вздрагивала от каждого шороха. И возненавидела цветы, которых становилось всё больше, и больше, и больше. Ранним утром, на восходе, неизвестный приносил их к моей двери и исчезал, словно тень. А я жила в иррациональном страхе и никому не могла рассказать о происходящем: кроме мамы в Москве у меня никого не было, а Алиса, единственная, кто знал о поклоннике, уехала вместе со своими родителями на море. Был только Поклонник, который методично дарил цветы с неизменной открыткой. И был страх, окутавший меня паутиной.

Страх стал катализатором, и во сне ко мне вновь стал приходиться Монстр – чудовище из детства, которое, хохоча, хватало меня за волосы и тянуло за собой под кровать. Я просыпалась в холодном поту с бешено стучащим сердцем и не сразу понимала, что нахожусь в безопасности, что нет никакого Монстра, что это всего лишь игры моего бессознательного. Но самовнушение не помогало. Кроме кошмаров о себе вновь дали знать панические атаки, от которых я когда-то с трудом избавилась с помощью психолога в старшей школе. Когда меня «накрывало», я забивалась в угол, закрывая голову руками, и беззвучно плакала, задыхаясь от мучительного приступа страха и удушья.

В какой-то момент я поняла, что дальше так продолжаться не может. Страх сведет меня с ума. И я решила сама найти принца, уже сильно сомневаясь в том, что он принц.

Я стала ждать Поклонника у двери. Сначала я хотела разглядеть его лицо в глазок, но не получилось – он всегда был в кепке, надвинутой на глаза, и в капюшоне.

В первый раз, когда я увидела Поклонника на лестничной площадке, у меня внутри всё перевернулось от странного ощущения. В моей голове он был игрушечным монстром, которого я боялась, а оказался обычным человеком – по крайней мере, с виду. Довольно высокий, с широким разворотом плеч, одетый во всё черное, будто пришел на похороны.

Поклонник, за которым я наблюдала, затаив дыхание, положил цветы и вдруг закрыл глазок рукой, будто понял, что я смотрю на него. Я отпрянула прочь от двери – мне казалось, что он сейчас откроет ее и окажется в моем доме. Но Поклонник ушел. А я выглянула на лестничную площадку лишь спустя полчаса – долго не могла прийти в себя.

В тот раз он принес воздушное сиреневое облако лунной гвоздики с эвкалиптом, перевязанное атласной лентой. Я в отчаянии кинула букет, а потом, устыдившись, подняла беззащитные цветы и поставила в очередную банку – вазы давно уже закончились. Цветы ни в чем не виноваты.

Я наблюдала за ним несколько дней, трясясь от страха, но он так и не показал своего лица. И третьего сентября я решила встретиться с ним лицом к лицу. Открыть дверь и прямо спросить, чего он от меня хочет. Нож в руке был моей подстраховкой.

И вот я не сплю с четырех утра – жду Поклонника. Он не пунктуален – может прийти в половину пятого, а может – в начале седьмого. Мне нужно сосредоточиться на начавшейся учебе – все-таки последний год в университете, но я не могу себе этого позволить. Все мои мысли только о нем, и я не могу заставить себя думать о чем-то другом. Этот человек – моя паранойя и мания. Я буквально одержима им.

Поклонник.

Кто он?

Что он от меня хочет?

Ненавидит меня? Любит? Изощренно играет?

Алиса предлагала мне обратиться в полицию, но я понимаю, что это бессмысленно. Что я скажу им? Что кто-то присылает мне букеты, в которых четное количество цветов? Что каждый из этих букетов стоит столько, что если бы я собрала их все вместе и продала, то смогла бы купить айфон последней модели? Правда, в конце концов я написала своей школьной приятельнице, у которой отец служит в криминальной полиции, но он сказал, что всё это глупости и такой чушью заниматься никто не станет.

Рассказывать о происходящем маме я тоже не собиралась. У нее и так слабое здоровье, а заставлять ее нервничать мне не хотелось.

Поклонник появляется в этот раз около семи утра – в полутемном подъезде я вижу его ставшую знакомой фигуру. Он останавливается у моей двери, ставит корзину с цветами и я, выдохнув, с отчаянием открываю дверь. Меня подводит замок – из-за него я теряю несколько драгоценных секунд. Эти секунды решают всё. Поклонник слышит щелчок замка и резко скрывается с места, словно не я его боюсь, а он меня. Он сбегает вниз по лестнице, а я запинаясь о корзину, падаю, поднимаюсь и мчусь за ним, всё так же крепко держа в руке нож.

– Стойте! – кричу я чужим голосом. – Остановитесь! Пожалуйста!

Поклонник слишком быстр – он летит по ступеням, словно тень. Я даже шагов не слышу. Когда я оказываюсь на улице, его уже нигде нет. И я в растерянности оглядываюсь по сторонам. Рассветное янтарное солнце ложится на мои обнаженные предплечья – я в майке и шортах, а по коже бегут мурашки – на улице прохладно и гуляет ветер. Несмотря на раннее утро, во дворе уже есть люди. Несколько женщин спешно ведут своих детей в детский садик. Дворник методично подметает дорогу, поднимая пыль. Какой-то мужчина копается в моторе своего автомобиля, пытаюсь завести.

Обычный двор. Обычные люди. И ни следа Поклонника. Будто бы он мне приснился словно Монстр.

Я в растерянности кручу головой, пока меня не окликают из-за спины.

– Геля! – раздается сзади, я вздрагиваю от неожиданности и резко поворачиваюсь. Передо мной стоит пожилая соседка, ее дверь справа от моей. У нее на поводке Звездочка

– большая, но дружелюбная собака неопределенной породы. Звездочка рада меня видеть и начинает вилять хвостом, а я по привычке наклоняюсь и глажу ее.

– Геля, что-то случилось? – внимательно смотрит на меня соседка. Нет, она смотрит не в лицо, а на нож, который я всё еще крепко сжимаю. Осознав это, я тотчас прячу его за спиной и смущенно улыбаюсь.

– Вы не видели парня, который только что выбежал из подъезда? – спрашиваю я.

– Из подъезда никто не выбежал, – отвечает соседка с недоумением.

– Как так? – На меня нападает паника. Я же видела его, видела! Он сбегал по лестнице!

– Обыкновенно, – пожимает она плечами. – Хотя сложно сказать точно – я не смотрю на дверь подъезда неотрывно. А почему у тебя в руке нож?

Я закусываю губу.

– Просто я готовила, когда позвонили в дверь. Кто-то хулиганил, и я за ним погналась. – Рассказывать правду не стоит.

– Опять дети балуются? – хмурится соседка. – Снова, небось, сыновья Ивановых из сто четвертой. Кстати, Ангелина, кто тебе каждый день цветы приносит? – вдруг спрашивает она с любопытством. – Что это у тебя за поклонник?

Это слово режет слух, но я не подаю вида – лишь улыбаюсь еще шире.

– Да так, – невнятно отзываюсь я, чувствуя, как руки и ноги пронзает сентябрьский утренний холод. Нужно возвращаться домой.

– Я его видела пару раз, – говорит соседка. – Сначала издалека, когда гуляла со Звездочкой. Высокий парень в кепке с охачкой цветов, жаль, лица не разглядела. Всё думала – кому же он такие букетища таскает? А потом столкнулась с ним на лестнице у твоей двери. Поставил корзину – и поминай как звали! Аж оттолкнул меня. Ты ему, Геля, передай, чтоб повежливее был.

– Передам, – отвечаю я. Терпеть не могу, когда меня называют Гелей или Линой. Ангелина – я Ангелина. Однако осознание того, что Поклонника видела не только я, заставляет облегченно выдохнуть. Он существует.

Я прощаюсь с соседкой, глажу напоследок Звездочку и убегаю в подъезд. Уже около двери, рядом с которой валяется корзина с пленительными белыми орхидеями, я понимаю, что совершила ошибку. Я выбежала на улицу, не закрыв дверь. И любой мог зайти.

А вдруг Поклонник не выбежал из подъезда? Затаился где-нибудь за мусоропроводом между первым и вторым этажами, дождался, пока я пролечу мимо и вернулся в мою квартиру?

От внезапной догадки я застываю столбом.

С одной стороны, я понимаю, что это абсурд, у меня просто паранойя. Но с другой, страх облепляет лицо и руки тонкой невидимой сеткой, и я боюсь идти домой.

Несколько минут я стою у порога, вслушиваясь в тишину собственной квартиры, которую прерывает лишь шум лифта. Мне не хочется заходить внутрь, но я должна это сделать.

«Сейчас ты вернешься обратно, – говорю я себе, – примешь душ, сделаешь кофе, съешь бутерброд, оденешься и поедешь в университет. В твоей квартире никого нет, Ангелина. Это всё твои очередные выдумки. Как с Демоном».

Демон, сидящий в моей голове, каркаяще смеется и обещает прийти ночью, чтобы доказать – он не выдумка.

Я вспоминаю его белое лицо с прорезями для глаз и крепко сжимаю кулаки – так, чтобы ногти впились в кожу. Боль отрезвляет. И я все-таки захожу в свою квартиру, держа в одной руке всё тот же нож, а в другой – корзину, словно щит.

Демон снова хохочет и говорит, что нож мне ни к чему – я всё равно не смогу пырнуть им живого человека. Мертвого, если уж на то пошло, – тоже. Я не охотник – я добыча. Я создана для того, чтобы на меня охотились.

С трудом я прогоняю детский кошмар прочь и с гулко бьющимся сердцем, которое, кажется, застряло где-то в горле, обхожу все три комнаты и кухню, не забывая проверить ванную, туалет и кладовую. Я открываю шкафы, заглядываю под кровати, осматриваю каждый угол. Никого нет.

Лишь убедившись в этом, я спокойно выдыхаю. В своей крепости я одна. Я включаю Билли Айлиш и варю кофе в медной турке – так, как учила мама. По квартире разносится приятный успокаивающий аромат, и, хоть мне кусок в горло не лезет, я заставляю себя выпить чашку кофе и съесть наскоро сделанный бутерброд. А затем иду в душ – я всё еще успеваю помыть перед учебной головой. При этом я оставляю дверь ванной комнаты открытой – на всякий случай – и пою в душе. Это тоже меня успокаивает.

Из ванной я выхожу в расстегнутом махровом халате и иду в свою комнату. Там халат падает на пол, я переступаю через него и подхожу к зеркальному шкафу, разглядывая себя. Я из тех, кого нельзя назвать яркими, я словно разбавлена водой – от кончиков ресниц до кончиков пальцев.

Золотисто-ореховые глаза, светлая нежная кожа – почти фарфоровая, на которую плохо ложится загар, зато есть россыпь веснушек, карамельно-русые волосы, потемневшие от воды и разметавшиеся по плечам, тонкая фигура, которая мне не нравится. Мне всегда хотелось быть женственной и изящной, как Алиса, чья грудь – зависть всех девчонок из группы, но во мне слишком много неловкой девичьей хрупкости и угловатости. Я из тех людей, которые не могут похвастаться успехами в спорте, ловкостью и силой.

Мама называет меня Веточкой. Раньше мне это нравилось, а теперь – нет. Веточку легко переломить, а я хочу быть прочной, как железный прут.

Я осматриваю себя с ног до головы, чувствуя, как на обнаженную спину ласково ложатся солнечные лучи, и задумчиво касаюсь груди ладонями – мне хочется, чтобы она была такой, как у Алисы. Пышной и высокой. Внезапно мне приходит в голову странная мысль, которой не должно было и быть. Будоражащая. А что я буду чувствовать, если грудь будут накрывать не мои руки, а его, Поклонника?

Я почти вижу, как за спиной появляется незнакомец, прижимает меня спиной к груди и повторяет мой жест – ласково дотрагивается до груди и слегка сжимает. Пульс учащается, но я прикрываю глаза, прогоняя то ли видение, то ли фантазию.

Что за глупости? Не знаю, зачем я думаю о *таком*, – мне неловко перед собственным отражением. И отчего-то вдруг начинает казаться, что на меня внимательно смотрят. Разглядывают. Оценивают. Изучают каждый миллиметр моей кожи.

Я тревожно оборачиваюсь на окно, выходящее на балкон, но, разумеется, там никого нет. Это снова моя паранойя. В доме никого и быть не может, но я спешно накидываю на себя халат. Затем сушу волосы феном, надеваю линзы и одеваюсь сама.

Синие джинсы, белая футболка, серая толстовка – моя обычная студенческая одежда. Волосы я собираю в небрежный пучок, а на руку цепляю серебряный браслет с подвесками – это подарок мамы и единственное украшение помимо гвоздиков в ушах, которое я ношу.

Цветочный аромат начинает перебивать кофейный, но мне уже всё равно – я обуваюсь в прихожей. На сердце тревожно, но я не понимаю, хочу ли я побыстрее уйти или остаться. Последний раз глянув на приоткрытую дверь, ведущую в мою спальню, а после – на корзину с орхидеями, я ухожу, держа наготове ключи – если на меня кто-то нападет, я сумею воткнуть их в противника.

«Не сумеешь», – доносится до меня приглушенный голос Демона, который засыпает, когда я нахожусь не в одиночестве.

Наверное, боится себя выдать.

А я боюсь выдать себя.

Дверь за Ангелиной аккуратно захлопывается.. Слышно, как наверху кто-то начинает пылесосить, а от стекол отскакивает звук детского смеха, доносящийся из двора. Кофейный аромат совсем исчезает – цветы берут вверх. Эта квартира – их царство. Ангелина – их маленькая царевна.

Дверь ее спальни медленно открывается, и оттуда выходит человек во всем черном; на его голову накинута капюшон, глаза закрывает бейсболка, но видно, что он высок и неплохо сложен. На его руках тонкие перчатки.

Человек смотрит на корзину с белыми орхидеями, которая осталась в прихожей, и на его губах появляется кривая улыбка, которая не предвещает ничего хорошего. Он медленно идет по квартире, касаясь пальцами стен, – словно знакомится со своими владениями. И чувствует себя вполне уверенно, словно не раз уже бывал здесь.

Оказавшись в гостиной, человек в черном подходит к висящему на стене телевизору и снимает с него незаметную камеру видеонаблюдения. Ему нужно поменять батарейки, и он делает это привычно и быстро. А затем берет в руки рамку с фотографией, с которой на него смотрит жизнерадостно улыбающаяся девушка. Она довольно хорошенькая: правильные черты лица, густая копна карамельно-русых волос, тонкая фигурка – но безликая и какая-то блеклая: не знает, как подчеркнуть свою привлекательность, сливается с толпой. Типичная правильная девочка-студентка в очках, кедах и джинсах, каких тысячи. Мимо таких он всегда проходил, не разглядывая.

Правда, сегодня он не мог оторвать от нее глаз, когда она разделась в своей комнате, не зная, что он наблюдает за ней. Возможно, она умеет быть горячей. Хотя обычно он предпочитал девушек с формами, ему понравилось ее хрупкое тело, острые плечи, по которым рассыпались влажные потемневшие волосы, тонкие длинные ноги. Но особенно его завело то, как она рассматривала себя в зеркале, касаясь небольшой высокой груди. Это будоражило фантазию.

Он прятался на балконе, глядя на Ангелину через стекло, рискуя быть пойманным, но не мог оторвать от ее тела пристального взгляда. Ему хотелось выйти, подойти сзади и прижать ее спиной к груди, целуя в шею, одной рукой обхватив поперек талии, второй ладонью накрыть грудь – повторить ее жест. Разумеется, он не вышел, и все его фантазии остались при нем. А потом он всё пытался понять, чем она так цепляет, на вид ведь совсем простая...

Человек в черном касается ее лица на фотографии.

На первый взгляд, Ангелина Ланская, студентка педагогического университета, кажется обычной девушкой, но ему не нравится ее взгляд: слишком наивный. Он не верит этому взгляду. И знает, *что* за ним кроется.

Поставив фотографию обратно на полочку, он идет на кухню и меняет камеру там, а после моет оставшуюся рядом с раковиной кружку и ставит ее на место.

Когда он идет обратно в прихожую, раздаётся щелчок. Замок поворачивается. А когда открывается дверь, человек в черном уже на кухне. Замерев, стоит у стены и старается не дышать: его не должны заметить.

Кажется, Ангелина что-то забыла дома и вернулась. Она направляется в свою комнату, быстро что-то находит и возвращается в прихожую. Но вместо того чтобы скорее уйти, она вдруг идет по узкому коридору к кухонной арке. Еще мгновение – и она окажется в кухне. А как только это произойдет, она увидит человека в черном. Он ждет этого, его широкие плечи напряжены, а одна рука сжимается в кулак то ли от страха, то ли от ненависти. Его сердце бьется так громко, что он боится – вдруг Ангелина услышит его?

И он точно знает, что будет делать, если она заглянет за угол.

Однако в самый последний момент она останавливается. Стоит у самой арки, касаясь рукой стены ровно в том месте, где несколько минут назад была его рука. И смотрит на залитый солнцем пол.

Между ними совсем небольшое расстояние – их отделяет всего один шаг. Но Ангелина не делает его. Она не шагает в арку и не видит за углом незваного гостя. Ангелина, едва слышно вздохнув, возвращается в прихожую и уходит, тихо закрыв дверь.

Какое-то время человек в черном стоит у стены – выжидает. И только спустя несколько минут покидает свое ненадежное убежище. В прихожей он гладит орхидеи и смотрится в зеркало. Откидывает капюшон, снимает бейсболку и разглядывает себя, чуть откинув назад голову.

Ему около двадцати пяти. Бледное лицо с растрепанными темными волосами, прямые густые брови, четко вычерченные скулы, волевой подбородок. На подбородке шрам – из таких, которые придают мужественности. В кофейных обманчиво-спокойных глазах – прозрачный лед.

Парень красив, но этот холод всё портит.

Глядя на свое отражение, он вновь невольно вспоминает обнаженную Ангелину, то, как она рассматривала себя, касаясь груди, то, как одевалась.

В ней всё-таки *что-то* было.

– До встречи, милая, – с усмешкой говорит человек в черном тихим глубоким голосом. Он надевает бейсболку и капюшон, скрывая лицо, а после выскальзывает за дверь.

Весь ее дом пропах цветами, но он всё равно чувствует запах сырой земли.

Глава 2

Я приезжаю в университет раньше, чем нужно, хоть сначала и забываю взять с собой телефон – благо, что метро находится в десяти-пятнадцати минутах от дома. Я учусь на факультете педагогики и психологии, и моя специальность – практическая возрастная психология. На парах нам рассказывают, как понимать детей, как анализировать их поведение, как проводить диагностику, как помогать.

Нам дают много теории и много практики – с самого первого курса: в детском саду, школе, центре лечебной педагогики. Научные конференции, мастер-классы, круглые столы, поездки... Этот курс – последний, после него меня ждет поступление в магистратуру и работа педагогом-психологом в школе, детском саду или специализированном центре.

Не знаю, радует ли меня это или нет. Мне нравится университет, дети, психология, и я хочу помогать тем, кто нуждается в этом, – вернее, я *обязана* делать это, но я не знаю, правильный ли это был выбор.

Зато я точно знаю, что пути обратно нет.

На самом деле я хотела стать художником, рисовала с самого детства и закончила художественную школу, а моей мечтой было поступить в Суриковку и попасть в мастерскую станковой живописи. И я была уверена, что моя мечта осуществится, ведь я столько ради нее старалась! В учебе я с самого детства была одной из лучших, поэтому успешно сдала все экзамены, но не прошла творческие вступительные испытания – напортачила и с рисунком, и с жанровой композицией. Мне предлагали пойти на платное отделение, но я не хотела обременять маму, потому что прекрасно знала – денег у нас немного. И стала искать другие университеты. Бесцельно, бездумно – с одной надеждой поступить хоть куда-то и выучиться хоть на кого-то.

Я выбрала факультет педагогики и психологии – в тот момент мне казалось это наилучшим решением, моим личным искуплением. Тогда я подумала, что, если это действительно так, меня возьмут туда. И я поступила на бюджет.

Нравится ли мне учиться? Думаю, да. Я легко впитываю в себя знания. Мне нравится сам учебный процесс, нравится сидеть на лекциях и слушать преподавателей, готовиться к практическим занятиям, приезжать на учебу и после нее гулять по городу со стаканчиком кофе в руках. Вместе с Алисой мы то ходим в Екатерининский парк, то шатаемся по Тверской или

Арбату, а иногда просто сидим в кафешках и болтаем обо всем на свете, наблюдая за бескончаемыми потоками вечно куда-то спешащих людей. Меня привлекает и педагогическая практика – в детских садах и в лагере.

Но мне не слишком нравится моя жизнь. К краскам и кистям я больше не прикасаюсь – неудача с поступлением в Суриковку отбила желание рисовать. А выбор, который мне однажды пришлось сделать, камнем давит на сердце и не дает заняться тем, что я действительно люблю.

Я должна искупить вину.

Я не должна жить ради себя, но и жить ради других у меня не получается. Иногда я ловлю себя на мысли, что просто плыву по течению жизни и ничего не меняю. Это мой крест, который я должна нести до самого конца. Но об этом лучше не думать. Мысли – якорь, который тянет ко дну, а я всё еще не хочу тонуть.

«Это только твой выбор, милая, только твой», – слышу я в голове тихий, вкрадчивый мужской голос, который никогда не смогу забыть. Я помню каждую деталь того дня.

Дня, когда всё поменялось.

Я подхожу к старому зданию, в котором располагается наш факультет, и вижу Алису. Она тоже замечает меня, и мы радостно обнимаемся. Мне кажется, от нее пахнет теплым морем.

– Когда ты успела прилететь? – спрашиваю я.

– Ночью, – сообщает подруга. – А почему мне не сказала?

– Хотела сделать сюрприз! Удался?

– Еще как!

Я с улыбкой смотрю на подругу – с моря она привезла глубокий бронзовый загар, и он эффектно оттеняет синие выразительные глаза. Ее цветотип – зима. Алиса – яркая брюнетка с обалденной фигурой, но то и дело опробует новые диеты. А еще у нее красивые цветные татуировки – цветочные узоры на левой руке от кисти до предплечья, сова на бедре, две симметричные веточки с ягодками и листиками под ключицами, изящная надпись на щиколотке. Я бы тоже хотела набить что-нибудь, но мой предел – три прокола в одном ухе.

Что мне нравится в Алисе – это смелость. Она решительна и целеустремленна. В этом я хочу быть на нее похожей. А Алиса говорит, что ей не хватает моей мягкости и дипломатичности. Мы – две притянувшиеся противоположности.

Она – контрастная гуашь, плотная текстура и яркие цвета.

Я – воздушная акварель, с тонкими переходами и прозрачная.

Иногда Алиса кажется суровой, но дети ее обожают и во всем слушаются – как старшую сестру. В отличие от меня, она целенаправленно поступила на факультет педагогики и психологии.

– Я тебе кое-что привезла. – Подруга протягивает мне пакетик с морскими сувенирами, и пока я с восторгом рассматриваю безделушки, она рассказывает об отдыхе, а потом начинает расспрашивать меня.

– Как там наш Поклонник? – В голосе Алисы любопытство.

– Ты же знаешь, как, – отвечаю я. Мы постоянно были на связи, и я присылала ей фото каждого нового букета.

– Сегодня что-нибудь присылал?

– Присылал, – вздыхаю я, вспоминая вдруг, как он смотрел на меня через глазок. – Корзину с белыми орхидеями.

– Какой романтик, – хихикает Алиса. Ей всё еще кажется, что это невероятно мило, хотя и она начинает понимать, что в этом есть что-то ненормальное. – Да он просто придурок, – сквозь зубы говорю я.

– Наверное, еще и богатый, – мечтательно добавляет подруга. – Столько денег тратит на цветы... Интересно, когда же он все-таки объявится? Мне безумно интересно, кто это!

– Я видела его сегодня, – признаюсь я тихо – так, чтобы проходящие мимо девчонки не слышали нас. Никто, кроме Алисы, не знает о существовании Поклонника.

– Что?! И ты молчала? Рассказывай! – требует подруга, и по дороге в аудиторию я рассказываю ей всё, что произошло утром. Описываю человека, за которым гналась. Но не рассказываю, как было не по себе в квартире, когда мне казалось, что меня кто-то разглядывает.

– Не понимаю, ты такая глупая или такая смелая? – спрашивает Алиса, когда мы в ожидании звонка стоим у дверей кабинета. – Зачем ты это сделала? А вдруг он псих?

– У меня был нож, – напоминаю я. Рука всё еще чувствует его тяжесть.

– Что может сделать слабая девчонка, пусть даже с ножом, против сильного мужика? – закатывает глаза Алиса. – Он в два счета мог тебя обезоружить и сделать всё, что ему захотелось бы.

– Мне надоело бояться, – хмуро говорю я. – Я хочу узнать, кто он и что ему надо. Иначе просто сойду с ума. Мне всё время кажется, что на меня кто-то смотрит. Смешно, но я боюсь любого шума. Я всегда была нервной, Алиса, а теперь с гордостью могу назвать себя параноиком. Знаешь, сначала я думала, что я действительно нравлюсь этому человеку, потом решила, что кто-то просто зло надо мной шутит, а сейчас я почти уверена – он хочет довести меня до крайней точки. – Я смотрю в загорелое лицо подруги и пытаюсь улыбнуться, и она, кажется, что-то видит в моих глазах. Что-то, что заставляет ее закусить губу.

– Всё будет хорошо, поняла? Мы найдем этого козла! Хочешь, до приезда твоей мамы я буду ночевать с тобой? – предлагает Алиса. – Когда она, кстати, возвращается?

– В конце месяца. Не знаю, что будет, когда она придет и увидит все эти горы цветов. Она с ума сойдет, когда узнает, что какой-то ненормальный шлет мне их, да еще и четное количество.

– Не понимаю, что с ним не так? – вздыхает Алиса. – Если он влюбился в тебя, почему бы не объявиться? Зачем он прячется и убегает? Нет, он точно псих. Не смей больше бегать за ним!

На этом наш разговор прерывается – к нам подходят девушки из группы, которые давно не видели Алису. Они болтают и смеются, вместе смотрят фотографии, обсуждают что-то, а я почти не участвую в этом – все мои мысли о Поклоннике, что, впрочем, стало нормой. Я не хочу думать о нем, но не могу перестать делать это. Заколдованный круг. Вопросов больше, чем ответов.

Когда начинается потоковая лекция, я лишь ненадолго отвлекаюсь на голос преподавателя и новую информацию по теории психологической коррекции личности. Обычно учеба спасает меня от нелепых мыслей, но сегодня этот проверенный способ дает сбой.

Я снова вспоминаю нож, а Демон, который чувствует себя всё более и более уверенным, подсовывает картинку из сна, который я вижу два раза в год с самого детства. В этом сне я словно смотрю на себя маленькую в зеркале. На мне нарядное лавандовое платье с бантом на спине, заколочки, два хвостика, носочки. А руки испачканы в крови. Кровавые пятна обезображивают и детское платье, но мне всё равно. Возле моих ног валяется окровавленный кухонный нож. И я улыбаюсь. Эта улыбка больше всего пугает меня.

Алиса толкает меня в бок.

– Ты в порядке? – шепотом спрашивает она. Я удивленно моргаю. Видение исчезает.

– Да, просто задумалась.

– Я думала, ты в транс впала, – хмыкает подруга, а я лишь улыбаюсь – всегда так делаю, когда не знаю, что сказать.

Кое-как у меня получается сосредоточиться на лекции, но на последней перемене происходит то, чего я совсем не ожидала. Вместе с Алисой я возвращаюсь в аудиторию, в наших руках – сок и булочки. Подруга рассказывает о парне из Питера, с которым познакомилась на море, я внимательно слушаю ее и время от времени подкалываю, и вроде бы всё хорошо, но

стоит нам зайти в аудиторию, как в ней появляется высокий светловолосый парень, в руках которого – большой прозрачный бокс с нежными кремовыми розами.

– Извините, а кто здесь Ангелина Ланская? – громко спрашивает он. И на него моментально оборачиваются все присутствующие в аудитории студентки – парней в аудитории нет, на факультете их дефицит.

Я смотрю на него расширившимися глазами – неужели он... и есть Поклонник?

Время замирает. Я невольно пытаюсь сопоставить его с тем образом, который создала в своей голове, но живой человек проигрывает. Он абсолютно обычный, с близко посаженными глазами, светлыми бровями и орлиным носом. Не страшный и не красивый. В обычной одежде. Среднестатистический. Может ли он быть тем самым Поклонником?

Демон в глубине души хохочет, и его хохот заставляет время снова двинуться вперед.

Алиса тыкает мне в бок локтем, но я молчу. Однотруппницы перешептываются и изумленно смотрят в нашу сторону. А взгляд незнакомца с цветами почему-то останавливается на стоящей перед нами темноволосой Даше Онегиной; считается, что она – одна из самых красивых девушек потока. Даша – модель и постоянно участвует в фотосъемках у модных фотографов, а на ее инстаграм подписано несколько десятков тысяч человек. Она учится ради «корочки». И она действительно похожа на девушку, которой будут дарить столь шикарные и дорогие букеты – в отличие от меня.

Незнакомец с улыбкой направляется к ней и протягивает прозрачную коробку с розами.

– Ангелина Ланская – это она, – говорит Алиса громко, берет мою руку за запястье и поднимает вверх. Незнакомец обходит замершую Дашу, останавливается напротив меня и протягивает коробку уже мне. Кажется, он удивлен, но широко улыбается.

– Ангелина, это для Вас. Честно сказать, цветы тяжелые. Может быть, мне поставить их за Ваш стол? Где Вы сидите?

Вместо меня отвечает Алиса, и парень ставит коробку. Он совершенно спокоен, а вот я ужасно нервничаю. Теперь цветы приходят не только ко мне домой? Что случилось?

– Кто вы? – тихо спрашиваю я у него, выбежав следом из аудитории.

– Курьер, – удивленно отвечает парень и протягивает мне визитку.

Я внимательно ее рассматриваю. Он доставляет цветы из премиального цветочного магазина, который гордо называет себя флористическим сервисом. Я выдыхаю – это не Поклонник.

– Кто их заказал? – продолжаю я расспросы с гулко бьющимся сердцем. Может быть, сейчас я узнаю ответ.

– Мы не разглашаем личные данные клиентов, – весело отвечает курьер.

– Пожалуйста, скажите, это очень важно, – прошу его я и умоляющие смотрю в лицо. Он вздыхает.

– Ангелина, извините, но я просто не знаю. Я всего лишь развожу цветы на машине, и всё. Позвоните операторам, может быть, они дадут Вам какую-либо информацию. Но, честно говоря, не думаю, что Вы сможете что-либо узнать.

На миг я устало прикрываю глаза. Надежда не сдается до последнего.

– Он вас любит, – вдруг говорит курьер.

– Что? – переспрашиваю я.

– Он вас любит, – повторяет курьер. – Иначе бы не заказал эти цветы. Поверьте, они очень дорогие. По моему наблюдению, их заказывают только любимым женщинам. Кстати, там есть записка.

Мы наскоро прощаемся, и я возвращаюсь в аудиторию. На меня тотчас устремляются взгляды – никто не понимает, кто и зачем дарит Ланской такие цветы. Даша смотрит на меня оценивающе. Кажется, она одна знает цену этой цветочной композиции и пытается понять, почему эти цветы достались мне, обычной и невзрачной.

Около моего места собрались несколько девушек – как коршуны вокруг добычи, но открыть коробку им не позволяет Алиса. Я молча открываю ее и, не обращая внимания на розы, достаю записку – маленькую синюю открытку с бабочками. Мои пальцы едва заметно дрожат, но никто этого не замечает.

«*Не делай так больше, Ангелина*», – сказано в ней. Поклонник, видимо, имеет в виду сегодняшнюю погоню. Он не хочет, чтобы я гналась за ним и пыталась узнать, кто он такой. Ради этого он даже нарушил «правило утренних цветов». И в четвертый раз подарил розы. Я чувствую ужасное волнение, смущение, но и затаенную радость – из-за того, что смогла хоть как-то повлиять на него своими поступками.

Девчонки, обступившие меня, не дают сосредоточиться – задают вопросы:

– От кого такая красота, Геля?

– У тебя появился парень?

– А можно с ним сфотографироваться, как будто это мне пришло?

– Да, конечно, – рассеянно отвечаю я. – Можете вообще забирать себе.

– Ты серьезно?! – потрясенно восклицает одна из девчонок, Настя.

– Да. Забирайте. У меня дома и так слишком много цветов, – отвечаю я и не сразу понимаю, что этот ответ может показаться высокомерным.

Девчонки звонко смеются. А я даже улыбку не могу выдавить из себя. Это всего лишь умирающие цветы, а столько шума из-за них..

– С ума сошла? – шипит в ухо Алиса, но я остаюсь непреклонной. Еще пару недель назад я бы никому не отдала эти шикарные кремовые розы, но теперь они мне не нужны. К тому же я не хочу ехать домой с такой тяжестью.

– Спасибо! – радостно кричит Настя. – Девчонки, эти розы такие прекрасные! А как пахнут!

И они начинают делать с ними селфи. Я рада – хоть кому-то подарки Поклонника доставляют радость.

– Зачем ты их отдала? – негодует Алиса и отбирает у меня открытку. Она читает послание Поклонника и приходит в замешательство.

– Да он точно чертов псих, – говорит она. – Чего он добивается?

Я пожимаю плечами. Если бы я знала.

– Ланская, я видела сторис в твоём инстаграме, – слышится уверенный голос Даши, которая, скрестив руки на груди, подходит к нам. – Тебе ведь постоянно кто-то дарит цветы? Сначала я думала, что ты устроилась работать в цветочный магазин. – В аудитории раздаются смешки. – Но сегодня ты меня удивила. Кто твой парень?

Она пытается быть самоуверенной и небрежной, но я вижу в ее раскосых темных глазах любопытство. Что отвечать Онегиной, я не знаю. И рассказывать ей о таинственном Поклоннике точно не буду.

– Один хороший человек, – отвечаю я.

– И, видимо, очень обеспеченный, – замечает Даша. У нее было несколько парней – и каждый из них дарил ей дорогие подарки.

– Может быть.

«Мы с тобой в одной лиге, – говорит ее взгляд. – Но как ты туда попала?»

От разговора с Дашей меня спасает начало лекции – в аудиторию заходит преподаватель, и она вынуждена сесть на свое место. Во время занятия я чувствую на себе взгляды – всем интересно, что за парень появился у Ланской. Но мне всё равно.

Глава 3

– Они доставили ей цветы? – спрашивает темноволосый парень с едва заметным шрамом на подбородке, сидя в машине с дорогой кожаной обивкой. Он одет в костюм и выглядит представительно, но отстраненно – так, что эту отстраненность часто путают с высокомерием. «Тот еще надменный засранец», – говорят про таких, как он, но ему это безразлично. Мнение других людей его давно не волнует. А может, он, и правда, слишком самоуверен. Еще и выглядит старше своих лет – по крайней мере в этом костюме.

– Да, – отвечает молодой водитель, глянув в телефон. – Только что пришло сообщение, что заказ доставлен. Ты будто экстрасенс – во всем, что касается этой девчонки.

Вместо ответа брюнет усмехается и касается шрама – это его старая привычка. Вторая привычка – играть с газовой зажигалкой. Матовая полировка темного корпуса создает впечатление, словно в нем затаились мрачные тени. – В ней что-то есть.

– В смысле?

– Как в цветах. Смотришь на них – ничего особенного. Но стоит уловить аромат, как хочется срезать, – отвечает темноволосый и мечтательно смотрит на серую застывшую улицу – они не едут, а ползут в дикой пробке.

– Значит, дело в ее аромате? – смеется водитель. – И как она пахнет, твоя крошка? По-особому сладко?

Брюнет ему не отвечает, только хрипло смеется.

– Зачем ты это делаешь? – вдруг спрашивает водитель. – Зачем она тебе нужна?

Их взгляды встречаются в зеркале заднего вида. Темные глаза и светлые. Повисает молчание. Вместо слов раздаётся щелканье крышки газовой зажигалки.

– Она мне безумно нужна, – наконец, говорит темноволосый парень и пугающе широко улыбается. – Хочу ее.

Эти слова звучат как приговор. Для девушки, о которой они говорят, разумеется.

– Мог бы просто познакомиться. Девки на тебя всегда ведутся – красавчик, да еще и при деньгах. К чему это всё? Да и зачем тебе эта студенточка? Потянуло на правильных девочек?

– Тебя не учили, что задавать столько вопросов своему работодателю не слишком вежливо? – Брюнет с щелчком закрывает крышку зажигалки.

– Я просто за тебя волнуюсь, ты мне еще и друг, – отвечает водитель. – После офиса в клуб?

– Да. Сегодня сбор «Легиона».

– Скажи, а я... А я могу туда попасть? – спрашивает вдруг парень за рулем.

– А ты хочешь умереть? – вопросом на вопрос отвечает брюнет. Его тон спокоен, вот только во взгляде – пугающий холод. Водитель едва слышно вздыхает.

Он достает фотографию Ангелины, сидящей в кафе, и внимательно рассматривает ее. Снимок хорош, хоть и сделан через стекло. В тонких пальцах – чашка с кофе. Длинные волосы перекинута через одно плечо. Во взгляде – мечтательность. Ангелина не видит, что ее фотографируют.

Он улыбается и снова касается шрама.

Определенно, в ней *что-то* есть.

Забавно.

После учебы мы с Алисой привычно отправляемся гулять. Погода стоит теплая и безветренная, светит нежное сентябрьское солнце, и кажется, что всё хорошо. Болтая, мы неспешно проходим мимо Большого Театра, ЦДМ, ЦУМа, сворачиваем в Газетный переулок, затем на Воздвиженку и направляемся на Новый Арбат. Наша конечная цель – Московский Дом Книги, где мы давно не были, а потом долго ходим среди бесконечных стеллажей с книгами. В конце концов, Алиса покупает долгожданный триллер, и мы идем в «Шоколадницу». Я заказываю

чизкейк «Орео», Алиса – блинчики с яблоками и карамелью. Мы обе порядком устали, и ноют ноги, но настроение хорошее, и на время я забываю и о цветах, и о Демоне, и о Поклоннике.

На улицу мы выходим довольные, напоследок заказав синий чай матча, и идем до Арбатской. Оттуда нам обеим удобно ехать домой по синей ветке – по прямой и без пересадок. Алисе нужен «Деловой центр», мне – «Измайловская». Она уезжает первой, а я стою на платформе с наушниками в ушах, жду свой поезд и обращаю внимание на парня рядом – на его светлых волосах холодного пепельного оттенка царит художественный беспорядок. Такие волосы идеально рисовать акварелью, на контрасте с темным фоном теплого оттенка для выразительности. Нужно взять светлый ультрамарин, сиреневый, розовый и средне-желтый. Разумеется, волосы парня крашенные, но пепельный отлично гармонирует с его светлой кожей и яркими голубыми глазами. К тому же у него милое лицо с правильными чертами, чувственные губы и ямочки на щеках. Они появляются, когда он улыбается, что-то набирая на телефоне.

Раньше я внимательно рассматривала людей, чтобы запомнить каждую деталь и воспроизвести на холсте. А теперь это просто привычка, от которой я не в силах избавиться.

Парень ловит мой взгляд и поворачивается ко мне. Почему-то он улыбается, а я отвожу взгляд. Не люблю, когда кто-то понимает, что я внимательно рассматриваю его. Особенно если это парень. Привлекательный парень. Обычно они всё не так понимают.

Я отхожу от него на шаг, но это моя ошибка. Мимо пробегают два подростка, и один из них отталкивает меня. Я лечу на пол, даже не успев осознать, что произошло, однако меня вдруг подхватывают и не дают упасть. По телу пробегает странная теплая волна – меня держит тот самый парень, которого я только что рассматривала. Он держит меня осторожно – одна рука на талии, вторая на предплечье. И внимательно смотрит.

– Всё в порядке? – спрашивает парень. От него едва уловимо пахнет табаком и шоколадом.

Я киваю и торопливо отстраняюсь.

– Да, спасибо.

– Осторожнее, будь внимательнее, вокруг много невменяемых, – предостерегает он меня. Глаза у него выразительные, лучистые и кажутся очень добрыми. И сам он кажется светлым, в серых джинсах и белой толстовке с закатанными рукавами, из-под которых видны татуировки. Во мне просыпается странное полузабытое желание изобразить и это лицо, и эти глаза, и эти волосы на бумаге – нежной акварелью.

– Я заметила, – отвечаю я. – Правда, спасибо, иначе я бы точно грохнулась.

– Меня зовут Стас, – вдруг говорит он. – А тебя?

– Ангелина, – удивленно отзываюсь я.

– Это имя тебе подходит. Такое же нежное.

Я прихожу в замешательство, но ловлю себя на мысли, что не могу оторвать от этого парня взгляд.

– Ты меня смущаешь, – искренне говорю я.

– Извини. Я просто сказал правду. – Он по-особому улыбается, и на его лице появляются ямочки. Это меня пленяет. – Я с учебы еду, а ты?

– И я.

– На кого учишься?

– На детского психолога, – отвечаю я. – Ого, здорово! Моя мама тоже детский психолог по образованию. И раньше работала в школе, куда я ходил, – делится Стас. – Помню, в младших классах я постоянно сбегал с уроков в ее кабинет и дико радовался, что мама работает в школе. А в старших не мог спокойно прогулять школу – мама не делала поблажек, а стоило мне не прийти на занятие, как учителя бежали к ней. – Он задорно смеется. – Зато я постоянно таскал у нее шоколадки – их ей дарили родители. Так что ты выбрала отличную профессию!

– Из-за шоколада? – невольно улыбаюсь я.

– Ну да, – невозмутимо отзывается Стас. – Лучше только профессия врача. Моя бабушка работала педиатром, и у нее шоколада было еще больше. А еще подарочное вино

– А ты на кого учишься? – спрашиваю я с интересом. – На врача или на психолога? Или есть еще более «шоколадные» профессии?

– Увы, я учусь на программиста, – хмыкает Стас.

– И кто же будет дарить тебе шоколад? – Глядя на него, мне хочется улыбаться всё больше и больше.

– Видимо, самому придется зарабатывать, – вздыхает он. – Не могу же я постоянно ходить за ним к маме.

– Ты так любишь сладкое?

– Знаешь, как-то не хочется в этом признаваться, Ангелина. Это не по-мужски. Я должен любить пиво и шашлыки, чтобы казаться крутым, – в голосе парня усмешка. – А не молочный шоколад и апельсиновый сок.

Не знаю, что мною движет, но я достаю из рюкзака ореховый батончик и протягиваю Стасу. Он изумленно на меня смотрит.

– Держи, – говорю я. – Ты мой единомышленник. Молочный шоколад и апельсиновый сок – лучшее сочетание.

Он берет батончик в руку, и на его щеках вновь появляются ямочки.

– Ты смешная.

– Это плохо или хорошо? – уточняю я, надеясь, что он не думает, будто со мной что-то не так. А со мной действительно что-то не так: флирт и я – понятия несовместимые.

– Смех – это всегда хорошо, не подумай чего-то плохого, – он поднимает вверх ладони, и я вижу на левом запястье небольшую изящную татуировку – одну непрерывную линию, изображающую нежный поцелуй мужчины и женщины.

А потом Стас вдруг вытаскивает из своего рюкзака пачку сока – апельсинового, моего любимого.

– А это тебе. Эй, бери, не заставляй меня чувствовать себя глупо, – он смахивает со лба пепельную челку и вкладывает сок мне в руку. Наши ладони соприкасаются, и я чувствую тепло его рук. И снова по телу пробегает волна света, такая, что у меня на мгновение перехватывает дыхание. Я перестаю слышать шум метро – только учащенный стук собственного сердца.

– Спасибо, – тихо говорю я, – но не надо было.

– Я всегда возвращаю долги, – отвечает он и поправляет вдруг прядь моих волос, выбившихся из-за уха. Это смущает меня еще больше. Меня касается незнакомый парень. И... и мне это нравится.

– Ангелина, я могу попросить твой номер? – продолжает Стас. Его лицо кажется уверенным, но в голове появляется что-то такое, от чего я понимаю – он волнуется.

– Если нет – так и скажи, я пойму, – торопливо добавляет он, глянув на приближающийся поезд. Наверное, это его поезд. Ему пора.

Что я теряю? Я диктую ему номер, он записывает его и перезванивает мне.

– Я тебе обязательно напишу, – обещает Стас, – если ты не против, конечно.

Я не против, я очень даже за, но вместо ответа я лишь улыбаюсь ему. И надеюсь, что моя улыбка не выглядит нелепой.

– Тогда еще пообщаемся. Мне пора, Ангелина! – он машет мне рукой и заскакивает в вагон. Я провожаю Стаса глазами и несмело машу в ответ, когда вижу его за окном. Теперь мне остается только ждать – безумно хочется, чтобы он написал.

Я все еще чувствую тепло его пальцев, и мне снова хочется дотронуться до Стаса. Парадокс.

По пути домой и то и дело проверяю телефон, хотя понимаю, что это глупо. Стас действительно понравился мне, и в голове один за другим строятся воздушные замки. Как и любая

девушка, я уже представляю, как он приглашает меня на свидание, как мы вместе гуляем, как он целует меня... Мысли о Стасе развеиваются, словно пыль на ветру, как только я оказываюсь около своего дома. Мне нужно зайти в подъезд, но я боюсь сделать это – вспоминаю Поклонника, который сегодня утром убежал от меня. И правда, чем я только думала, когда пыталась остановить его?

Я в нерешительности топчусь у подъездной двери и захожу в нее спустя минут десять вместе с соседом, который думает, что я забыла ключи. У квартиры происходит заминка – я спешно пытаюсь открыть дверь, но не получается. Сначала ключ не вставляется в замочную скважину, а потом и вовсе выскользывает у меня из рук и со звоном падает на пол. В это же мгновение позади раздается грохот, и я вздрагиваю. Мне кажется, что это Поклонник, который сейчас нападет на меня со спины, но, когда я резко оборачиваюсь, вижу пожилого соседа, который уронил ящик с инструментами. Я успокаиваюсь и помогаю соседу собрать его вещи, а потом оказываюсь в своей квартире. Только тут я чувствую себя в безопасности.

Пахнет цветами – привычно и раздражающе.

Я открываю настежь окна и, не раздеваясь, падаю на кровать в своей комнате. Быстрее бы вернулась мама, отпуск которой длился до начала октября, – жить одной становится невыносимо. И быстрее бы написал Стас – и зачем только пообещал сделать это? Чтобы я ждала? А может быть, мне написать первой? Но что он подумает?

Мне хочется мечтать об этом парне с пепельными волосами и теплыми голубыми глазами, но цветы, превратившие мою комнату в оранжерею, заставляют меня думать о Поклоннике.

Они – его невидимое присутствие. Транслятор. Постоянное напоминание. Когда одни умирают, им на смену приходят другие. И таким образом он всегда остается в моей голове.

Кто он? Чего хочет? Действительно ли что-то чувствует по отношению ко мне? Или я его своеобразная игрушка?

А вдруг Стас и есть Поклонник? Эта мысль сначала кажется мне пугающей, а потом – смешной. Стас не похож на навязчивого типа, повернутого на цветах. Но, говорят, что внешность обманчива, а убийцы всегда выглядят как среднестатистические люди. С другой стороны, если бы Стас и являлся Поклонником, это бы было слишком очевидно.

Когда на телефон приходит сообщение, я радостно хватаю его, думая, что это Стас, но это всего лишь Алиса. Она спрашивает, нормально ли я добралась до дома и не нужно ли ей приехать ко мне на ночь. Я не хочу заставлять ее ехать ко мне в такую даль, но Алиса настаивает, говорит, что ее подвезет знакомый, и приезжает ко мне поздно вечером, когда я как раз успеваю доделать домашнее задание на завтра, поменять воду цветам и приготовить пирог с малиной. Отчего-то меня не покидает ощущение, что на меня смотрят, и я задергиваю все шторы. Однако мне всё так же кажется, что меня изучают, словно животное в клетке, и я понимаю, что это из-за цветов. Они – словно глаза Поклонника.

Я ухожу из спальни в гостиную, закрыв дверь, но оставив окно приоткрытым – растениям, пусть даже умирающим, нужна прохлада.

Время от времени я попиваю сок из трубочки и посматриваю на телефон – всё жду сообщения от Стаса. Девушки устроены странно – казалось бы, всего одна случайная встреча, всего одно прикосновение, всего одно обещание от незнакомца, а мы готовы ждать его, попутно выстраивая в голове едва ли не всю совместную жизнь. Это меня смешит, и я в очередной раз убеждаюсь, что слишком романтична.

Алиса приезжает, когда на улице стоит густая черничная тьма, сквозь которую пробивается лунный свет.

– Ты в порядке? – первым делом спрашивает подруга, и я киваю, а когда она заходит в мою комнату, то восторженно ахает. – Сколько цветов! Мама дорогая! Да он ненормальный!

Она нюхает цветы, касается их, даже фотографирует.

– Я словно в цветочном магазине, – смеется Алиса. – Ты не думала продавать цветочки? Или сдавать в прокат? А что, выставим на «Авито» объявление, деньги заработаешь. Разве они лишними бывают?

Методично обрывая засохшие листья с роз, я качаю головой. Не думаю, что смогу. – Пове- рить не могу, что такое бывает, – продолжает подруга. – Даже не знаю, радоваться за тебя или бояться.

– Если учесть, что во всех букетах четное количество цветов, то лучше бояться, – отвечаю я хмуро. – Вдруг он так предупреждает меня, что убьет?

– Глупости. Может быть, он просто иностранец?! – озаряет вдруг Алису. – Знаешь ли, это только у нас поверье, что четное количество цветов – для покойников, а во многих странах как раз принято дарить четное. Я сейчас даже погуглю! – Она достает свой телефон. – Вот, смотри, в интернете пишут, что в США считается, что четное количество цветов – к счастью, а в Грузии, только нечетное кладут на могилу...

Ее прерывает неожиданный звонок в домофон, и мы с удивлением смотрим друг на друга.

– Кто это? – спрашивает Алиса.

– Без понятия, – пожимаю я плечами и иду в прихожую с мыслью о том, что это Поклон- ник. Кто это может быть еще в столь позднее время?

Страшно ли мне? Немного. Но рядом с Алисой страх скукоживается и отползает в угол. Домофон продолжает настойчиво звенеть.

– А вдруг это он? – спрашивает меня подруга, когда я касаюсь трубки. И мои пальцы замирают в воздухе. Мы обе прекрасно понимаем, о ком речь.

– Думаешь, не стоит отвечать? – спрашиваю я.

– Стоит, – говорит Алиса. – Иначе будешь жалеть, что не сделала этого.

Я поднимаю трубку домофона.

– Доставка суши и роллов, – раздается незнакомый мужской голос. – Примите заказ. – Но я ничего не заказывала, – теряюсь я.

Курьер уточняет номер квартиры, мое имя и говорит, что всё оплачено.

– Но я правда ничего не заказывала.

– Просто заберите и наслаждайтесь, – говорит курьер с ноткой раздражения.

– Открывай, – шепчет мне Алиса, и я нажимаю на кнопку. – Это снова он, – шепчу я. Сегодня он прислал курьера из цветочного салона, ближе к ночи – из доставки суши. Что с Поклонником? Решился на новый этап общения?

Я молча иду на кухню и беру нож – тот самый, который уже держала в руках с утра. На лезвии ножа искрится электрический свет. Это лезвие острое, и я знаю, что в случае чего смогу постоять за нас обеих. Мне некуда деваться.

Алиса странно смотрит на меня, словно видит впервые в жизни.

– Ангелина, – осторожно говорит подруга, – зачем тебе нож?

– На всякий случай. Вдруг это обман? Я должна защитить нас. – И я крепче стискиваю пластиковую рукоятку. Мой голос решителен.

– Положи нож, – просит Алиса. – Правда, положи. Это не твой Поклонник. Это я заказала роллы. Ничего не сказала, потому что решила пошутить.

Мне словно дают пощечину, и я прихожу в себя. Я возвращаюсь на кухню, кладу нож обратно, наливаю себе ледяной воды и жадно пью. Я и сама не знаю, что со мной.

«Ты знаешь, детка, – доносится до меня смешливый голос Демона. – Тебе просто сласть как нравится держать оружие».

Я слышу, как Алиса открывает дверь и принимает заказ. А потом она идет на кухню с двумя пакетами. В заказе куча всего – коробочки с лапшой и свининой в кисло-сладком соусе, роллы, суши, какие-то салаты. Алиса растерянно выкладывает это всё, а я молчу, чувствуя себя дурочкой. Наверное, она подумала, что я совсем сошла с ума.

– Я поступила глупо, прости, Ангелина, – вздыхает вдруг Алиса и обнимает меня. – Я думала, что это будет весело. Но теперь вижу, как всё это достало тебя. Прости, – повторяет она.

– Всё в порядке, – отвечаю я. – Ты тоже извини.

– За что?! – Наверное, я казалась ненормальной.

– Глупая! – восклицает подруга. – Это у меня шуточки идиотские. Правда, прости. И забудь об этом придурке, который присылает тебе цветы. Ничего он не сделает, трус.

Мы устраиваем поздний ужин – едим, смеемся, смотрим милый и смешной фильм про любовь. Нежная и неуклюжая героиня, красивый и смелый герой, разбирательства с ее отцом, романтическая ночь, козни его стервозной бывшей, расставание из-за них и воссоединение во время морского круиза. И хэппи энд – герой и героиня надевают на пальцы друг другу кольца в церкви, а после упоительно целуются. В конце на фоне прекрасных рассветных кадров звучит трогательная музыка.

Странно – хороший фильм, а я чувствую горечь внутри.

– Ты бы хотела влюбиться? – спрашиваю я Алису, которая ищет новый фильм.

– Я десятки раз влюблялась, – отвечает она со смехом.

– По-настоящему.

– А я что, по-искусственному?

– Думаю, по-настоящему десятки раз влюбиться сложно, – отвечаю я. – Тогда от сердца совсем ничего не останется.

– Хорошо, тогда что ты вкладываешь в это понятие – по-настоящему? – шуруется подруга. Парней у нее, и правда, было много, но обычно отношения длились не больше нескольких месяцев. А у меня не было никого – редкие свидания не в счет. Среди тех, с кем я куда-то ходила или гуляла, не нашлось того самого человека, которого бы я полюбила. По-настоящему.

– По-настоящему – так, чтобы один раз, и навсегда, – отвечаю я, подперев щеку ладонью. – Отказаться от своего эгоизма и любить его, как саму себя. И принимать таким, какой он есть – целиком, со всеми его победами и страхами, светом и тьмой.

– Ты просто максималистка, Ангелина. А я не хочу растворяться в человеке, – серьезно отвечает Алиса. – Я хочу любить и быть любимой, но я не хочу жить для кого-то и ради кого-то. Да и умирать ради кого-то у меня нет желания. Моя любовь – это партнерство. Я выгодна ему, он – мне, и вместе нам хорошо.

– Я не говорю, что нужно растворяться! – возражаю я неожиданно горячо. – Я говорю о той любви, когда два человека наполняют собой внутреннюю пустоту друг друга. И душевно срастаются – так, что больше не смотрят на других.

– Тогда на такую любовь способны только очень одинокие люди, – говорит Алиса и ловко подхватывает ролл. – Не у всех внутри есть пустота, знаешь ли.

Я соглашаюсь с ней. Не у всех. У кого-то внутри целый мир, играющий всеми красками. А такие, как я, с пробитой душой, наскоро заштопанной, ищут способ заполнить внутреннюю пустоту.

– А ты готова принять своего Поклонника? – с любопытством спрашивает подруга. – Как ты там сказала – со всем светом и тьмой?

– Если я его полюблю – да, – правдиво отвечаю я. – Но я не уверена, что он тот, кто мне нужен. Да и вообще – он не появляется. Как я могу полюбить того, кого не видела?

– Действительно, – звонко смеется Алиса. – Вдруг он чудовище? И выглядит как помесь жителя планеты Нибиру со снежным человеком. Слушай, а может, он скрывает свое лицо, потому что страшный?

– Перестань, – хмурюсь я. – В каждом есть что-то прекрасное.

– Ты не просто максималистка, ты идеализируешь этот мир, – выносит вердикт подруга. – А таким, как ты, всегда тяжело. Тебе нужен человек, который не станет прятаться за красивыми цветами и присылать одну и ту же открыточку. Тебе нужен кто-то сильный и смелый, живущий

не фантазиями, а реальностью. Иначе ты совсем пропадешь. – Она деланно тяжело вздыхает. Я не обижаюсь на Алису – знаю, что она желает мне счастья.

– Сегодня я познакомилась с парнем в метро, – признаюсь я. – Его зовут Стас, он высокий, спортивный и с ямочками на щеках – они появляются, когда он улыбается. Я дала ему свой номер телефона и жду, когда он напишет. – Подожди, – хитро щурится Алиса, – он что, понравился тебе?

– Да, – просто отвечаю я. – Хотя не уверена, что я понравилась ему. Мы общались пару минут, но он чем-то меня зацепил. Глупо, да?

– Красивый? – деловито спрашивает подруга, макая в соевый соус очередной ролл.

– Красивый. – Я вспоминаю Стаса и едва слышно вздыхаю.

– Тогда не глупо. Расскажи о нем? Мне о-о-очень интересно, на кого запала наша милая Снежинка! – Алиса в шутку называет меня так, потому что я отвергаю ухаживания парней. Говорит, что до Снежной Королевы я еще не доросла, а вот холода во мне хоть отбавляй, так что Снежинкой вполне быть могу. В ответ я называю ее Круэлкой – как злодейку из мультфильма «101 далматинец» – однажды Алиса пришла на учебу в безвкусном белом платье с черными пятнами и атласной алой лентой на талии, и я не могла взглянуть на подругу без смеха. Художественное образование все-таки привило мне чувство вкуса, и я всегда знаю, какие цвета и оттенки подходят человеку, а какие – нет.

Я рассказываю о Стасе, глядя в окно, за которым начинает шуметь ветер, – приближается гроза, о которой сегодня говорили по радио.

– Так-так-так, значит, какой-то крашеный блондинчик понравился тебе больше Алекса, – царапает меня взглядом подруга. Этого Алекса она припоминает мне при каждом удобном случае.

В конце прошлого семестра она предприняла героическую попытку свести меня с лучшим другом парня, с которым на тот момент встречалась. По мнению Алисы, это был отличный вариант – симпатичный мальчик из хорошей семьи, с айфоном последней модели и неплохой машиной. Я вытерпела три свидания, и на третьем, когда он полез под юбку, просто оттолкнула его и выпрыгнула из его автомобиля. Не могла вытерпеть чужие холодные руки на своей коже. Алиса не могла меня понять – этот Алекс казался ей идеальной для меня кандидатурой, более того, я нравилась ему. Но вот он так и не смог вызвать у меня симпатию.

– Значит, обещал написать – и не пишет, – трет подбородок Алиса. – Либо забыл о тебе, либо тянет время, чтобы набить себе цену. Осторожнее с ним, подруга, хорошо?

– Не думаю, что мы еще встретимся. Знаешь, он из тех людей, которых встречаешь однажды в жизни, запоминаешь, может быть, влюбляешься в его образ, и больше никогда не видишь, – отзываюсь я, и мы боремся за последний ролл «Темпура» палочками, а в итоге делим его пополам.

Алиса обладает удивительной способностью заряжать оптимизмом и уверенностью – рядом с ней мне становится легко, страх отступает, и я слышу слабые отзвуки завываний своего Демона – в тон усилившемуся ветру. Рядом с Алисой он не смеет появляться.

Глава 4

Когда мы, наболтавшись под шум фильма, ложимся спать – время на часах около трех, – у меня на сердце нет той тяжести, которая в последнее время всегда со мной.

Я ложусь на диван, уступив свою кровать гостю. И знаю, что эта ночь будет спокойной. Гроза приближается. Ветер яростно хлещет в окно, бьет по деревьям всё с большей силой, словно хочет сломать их, и то успокаивается, то поднимается вновь, полный решимости уничтожить всё на своем пути. Где-то вдалеке раздается голодный рев грома – словно зарычало чудовище, и по стеклу бьют первые капли дождя. На улице непогода, но я чувствую себя уютно,

свернувшись под теплым одеялом калачиком. Мне нравится осознание того, что где-то бушует гроза, а я нахожусь дома, в тепле и безопасности.

«Ветер несет несчастья», – шепчет где-то далеко засыпающий вместе со мной Демон.

Едва я погружаюсь в тягучий, как пастила, сон, меня будит звонок в дверь. Я не сразу понимаю, что это за звук, и переворачиваюсь с бока на бок, а потом подскакиваю в кровати – вдруг вижу в темном дверном проеме что-то белое. Что-то, похожее на призрака. Меня сковывает ужас, и я зажимаю ладонью рот, чтобы не закричать, но почти сразу же выдыхаю – это Алина в длинной белой ночной рубашке.

– Кто это? – почему-то шепотом спрашивает она. У нее настороженный голос.

– Не знаю, – таким же шепотом отвечаю я. – Может быть, ты снова решила подшутить надо мной?

– Да нет же, Ангелина! Теперь это точно не я!

– Тогда кто это?

– Без понятия! Может быть, соседи?

Домофон не унимается. В тандеме со стуком дождя и завыванием ветра его трель кажется зловещей. Алиса спешно включает свет, но едва она касается выключателя, как лампочка мигает и тускнеет. В это же мгновение за окном разрывается молния, освещая комнату. Ужас теперь не сковывает – бьет наотмашь.

– Черт! – подскакивает Алиса. – Это что?!

– У меня постоянно проблемы с люстрой, – успокаиваю ее я, хотя сама порядком напугалась, и зажигаю ночник.

Домофон замолкает, но тут же снова начинает звонить.

Подруга зябко ежится – ее наконец проняло. Да и мне не по себе.

– Что за придурок не успокаивается? – сердится Алиса. – Думаешь, это... он? Поклонник?

Я встаю с кровати, на всякий случай беру телефон и босиком иду в прихожую, попутно зажигая везде свет. Тьма – лучший друг страха, свет – его главный враг.

– Ты что, хочешь впустить его? – спешит за мной Алиса. – Не смей! Мало ли что у него в голове! Возьми нож! Телефон при тебе? Если что, вызываем полицию!

Я киваю и нерешительно поднимаю трубку домофона. Во мне еще слабо теплится надежда, что это кто-то из соседей или просто посторонний человек, который решил спрятаться от холода и дождя в подъезде.

– Да, – глухо говорю я.

Молчание. – Кто это? – повышаю я голос, стараясь не выдать страха. Мне кажется, что никто не ответит.

– Вы меня слышите?

– Открой дверь, – слышу я вдруг незнакомый мужской голос. Безжизненный, но глубокий. Если бы я рисовала его, то взяла бы ультрамарин, жженную умбру и каплю берлинской лазури. Если смешать их, получится черный. Черный голос.

– Кто Вы? – спрашиваю я, глядя на свое отражение в прихожей. Мое лицо бледно, зато глаза лихорадочно блестят. Отчего-то я точно уверена, что голос принадлежит *ему*. Поклоннику.

– Открой дверь, – снова слышу я в ответ. А еще я слышу шум ветра. Возможно, со мной и разговаривает сам ветер. Деревья за окном кухни гнутся с такой силой, что начинают хлестать по стеклу.

Алиса кусает губы, прислушиваясь к разговору, – связь довольно громкая.

– Сначала скажите, кто Вы и чего хотите.

– Ангелина, пожалуйста, открой, – повторяет голос, и я цепенею, слыша свое имя. Имя, произнесенное им, подчиняет.

– Это Вы посылаете мне цветы? – спрашиваю я, взяв себя в руки.

– Тут холодно. Открой, я не зайду в квартиру. Только оставлю тебе кое-что.

По коже ползут мурашки. Он с ума сошел, что ли? – Да пошел ты в задницу! – вырывает у меня трубку Алиса – она зла. – Какого черта тебе надо, умник? Думаешь, это смешно – пугать девушек посреди ночи? Да ни фига это не смешно! Или ты в нее влюбился и признаться не можешь? Тогда поздравляю – ты трус и просто ничтожество. Будешь донимать мою подругу, мы пойдем в полицию, понял!? Коз-з-зел!

Он ничего ей не говорит, просто обрывает звонок. А мы с Алисой стоим и смотрим друг на друга, ничего не понимая. Он что, окончательно спятил?

– Поклонник вышел на новый уровень? – хрипло спрашиваю я. И мне кажется, что ветер за окном смеется.

Его голос не выходит из моей головы. То, как он произносил мое имя.

– Скоро я выйду на новый уровень и реально обращусь в полицию! – зло говорит подруга. – Знаешь, мне до последнего казалось, что его дорогие цветочки – это мило. Но сегодня я точно поняла, что это просто псих! Да у него с головой не в порядке! И это действительно страшно. Боже, Ангелина, как ты живешь с этим? – Эмоциональная Алиса обнимает меня и гладит по волосам. Кажется, она в ярости. – Всё в порядке, – говорю я. – Я привыкла.

– К такому привыкать не стоит, – сердится подруга. – Позвонит еще раз – обратимся в полицию, слышишь?

– И что мы скажем? – устало усмехаюсь я.

– Что он тебя преследует. Наверняка есть какая-то статья за это.

– Не знаю. Он ведь ничего не делает, – пожимаю я плечами. – Даже не угрожает. Ты же знаешь, что меня просто пошлют куда подальше.

– А у нас так всегда, – с отвращением кривит губы подруга, – пока не случится что-то действительно страшное, никто и не почешется. Надо подумать, что делать. Может быть, чаю попьем? Холодно. А спать не хочется больше.

Я киваю и на всякий случай проверяю все замки.

Мы идем на кухню, в окна которой бьют ветки; за окном барабанит дождь. Гроза не стихает, яростно ревет и швыряется молниями. Мне приходит в голову, что Поклонник стоит под холодным дождем и пронизывающим насквозь ветром, перед дверью, которую ему так и не открыли. И на мгновение мне становится жаль его. Но эта жалость моментально испаряется. Пошел он... Плохо, что окна не выходят во двор – не удастся его увидеть.

Мы с Алисой сидим за столом, пьем чай с гибискусом и грейпфрутом, слушая грозу и негромко переговариваясь. Приходим в себя и даже начинаем улыбаться. Алиса объявляет, что у нее от переживаний разыгрался аппетит, и отрезает пирог. Мне же кусок в горло не лезет.

Вроде бы это такой пустяк – подумаешь, кто-то разбудил звонком в домофон, но ночью всё кажется другим, нежели при свете дня. Ночью оживают тени – не те, что прячутся по углам, а те, которые кроются в лабиринтах души, которые заперты в самых потаенных ее уголках. Они пытаются вырваться наружу, ищут лазейки, скребутся, кричат и исчезают лишь с первыми лучами солнца. Пока мы удерживаем тени внутри, всё хорошо, но стоит им выбраться из своей клетки, как они пытаются завладеть нами.

Зависть, вина, страх, ненависть, саморазрушение, желание причинять боль – это всё они, тени. Демон – тоже тень, которая однажды сумела выскользнуть наружу и которую я сдерживаю изо всех сил.

Тук-тук-тук.

Я едва не проливаю на себя чай. Алиса давится и со стуком ставит кружку на стол. Кажется, в мою дверь кто-то слабо постучал.

– Это он, – говорит слабым голосом подруга. – Это твой проклятый Поклонник.

Человек в черном медленно поднимается по лестнице. Спортивный костюм, бейсболка, кроссовки – всё мокрое насквозь, а руки, держащие корзину с цветами, озябли от холода, но ему на это плевать. Он думает лишь о ней.

Ангелина Ланская. Милая девочка с длинными карамельными волосами и невинными глазами. Знают ли другие, какая она *настоящая*? Вряд ли. Ее тайна известна только ему.

Он поднимается на ее этаж и подходит к ее двери. Смотрит на замок, будто хочет открыть – дубликат ее ключей всегда у него в кармане, но просто упирается рукой в дверь и опускает голову. С мокрых темных волос стекают капельки воды. Он вспоминает ночь, когда умер брат, – вспоминает каждый раз, когда идет гроза. И не может отделаться от ощущения глухой тоски.

Ангелина там, за дверью, вместе с подругой, которая изрядно раздражает его – громкая развязная девка. Она совсем близко, но при этом ужасно далека от него. Но это дело времени.

«Ты будешь моей, девочка», – думает он, и на его губах появляется улыбка. И он снова вспоминает ее обнаженную около зеркала. Это воспоминание будет преследовать его еще долго.

Человек в черном трижды тихо стучит в дверь Ангелины и уходит. Быстро спускается вниз и открывает дверь квартиры, расположенной точно под квартирой Ангелины. Он снимает ее с недавних пор, всегда находится рядом.

В квартире темно, голубоватый свет исходит лишь от экранов нескольких мониторов на столе – на них транслируется всё, что происходит в каждой комнате Ангелины, за исключением ванной комнаты и туалета.

Он стягивает кепку, сбрасывает кофту на молнии, оставаясь в одной футболке – единственной белой детали его гардероба. И садится в кожаное кресло. Его взгляд направлен на монитор, в котором видна прихожая ее квартиры. Ангелина и ее подруга стоят у двери, в нерешительности переговариваясь и заглядывая в глазок, – пытаются понять, был ли стук или им послышалось. Малышкам страшно – это видно по их лицам, а он наблюдает за ними обеими с самого начала.

И ему смешно.

На цыпочках мы с Алисой идем в прихожую и по очереди смотрим в глазок. В коридоре светло и никого нет. Что происходит, мы не понимаем.

– Возможно, он снова оставил что-то под дверью, – выдыхаю я, чувствуя злость. Да сколько уже можно издеваться надо мной? – Посмотрим?

– Ты что! Не открывай, – умоляющим тоном просит Алиса. – Вдруг это ловушка? Так во всех фильмах бывает.

Но спустя минут десять мы всё же высовываемся за дверь, вооружившись сковородками, – наверняка со стороны это кажется весьма забавным.

Под дверью ничего не лежит. И никого нет. Только ярко светит электрическая лампочка.

Мы захлопываем дверь и снова смотрим друг на друга. Теперь нам кажется, что стук в дверь почудился. Мало ли какие звуки можно услышать во время такой страшной грозы, разрывающей небо на куски? Страх – генератор самых мощных иллюзий.

Какое-то время мы снова сидим на кухне. Изредка я перевожу задумчивый взгляд на нож, лежащий на столе, и пытаюсь подавить воспоминание о девочке, чьи руки и нарядное платьице испачканы кровью. Я не замечаю, как сжимаю ручку кружки. – Ты в порядке? – спрашивает меня внимательная Алиса.

– Да.

– Хорошо, что я приехала сегодня! Представляю, каково бы тебе сегодня одной было! Психопат, – шипит она, вспоминая Поклонника.

Именно в этот момент снова раздается резкий стук. Подруга вскрикивает от неожиданно-сти, я сжимаюсь в комочек – нам снова кажется, что это стук в дверь. Однако спустя несколько

мгновений мы понимаем, что это обломившаяся ветка ударила прямо по стеклу, а другая висит на одном обрывке коры.

Видимо, и в первый раз мы ошиблись.

– Господи, что за ночка! Мне чуть плохо не стало! Так ведь и с ума сойти можно! Слушай, Ангелина, может быть, все-таки расскажешь маме? – предлагает Алиса.

– У нее проблемы со здоровьем, ты же знаешь, – отвечаю я довольно жестко. – Не хочу ее пугать.

– Слушай, а у тебя нет никого кроме мамы? – с сочувствием спрашивает Алиса.

– Да. Мы друг у друга одни. Бабушки с дедушкой давно нет. Остальные родственники живут где-то на Урале, но мы почти не общаемся. Сестра – в Крыму, мама как раз у нее гостит. А крестная переехала в Германию, к сыну.

– А у папы родственников не было? – допытывается Алиса.

– Были, но они ненавидели маму, – честно говорю я. – И сейчас с нами никто не общается.

– За что ненавидели? – удивляется подруга.

– За то, что отец на ней женился, – отвечаю я. – Моя бабка была против. Папа же из Питера, уехал оттуда к маме. А его семьи даже на свадьбе не было. Они довольно богаты и хотели, чтобы папа взял в жену подобающую девушку. Подобающую – это обеспеченную, чтобы ты понимала. А когда он попал в аварию, перед моим рождением, во всем обвинили маму. Не знаю, как она это пережила, – вздыхаю я, думая, что, если бы был жив папа, он бы обязательно защитил меня. Разобрался бы с Поклонником.

Мы разговариваем еще о чем-то, даже смеемся, а после идем спать – на этот раз вдвоем на моей кровати.

Я не говорю Алисе, что не помню себя до семи лет. Совсем.

Об этом не знает никто, кроме мамы.

Гроза успокаивается, ворчит из-под толстого слоя налившихся свинцом туч, и я медленно засыпаю, слыша мерное дыхание подруги.

Мне снится странный сон – наверное, в этом виноват дождь.

Я лежу на кровати рядом с окном, по которому барабанят косые струи, и крепко прижимаю к себе большого плюшевого зайца с длинными ушами. Я укрыта одеялом с ног до головы. Одеяло и заяц – моя единственная защита.

В комнате темно, и мне страшно, очень страшно. Я боюсь пошевелиться и высунуться из-под одеяла, хотя мне нечем дышать. Если я сделаю это, то меня утащит чудовище с белым лицом, затаившееся в шкафу. Я вижу этот шкаф сквозь крохотную-крохотную щелку – на него падает тусклый лунный свет.

Шкаф закрыт, но я точно знаю, что там внутри.

Монстр.

И я боюсь, что он догадывается, что мне тяжело дышать. Он ждет, когда я высунусь, но я не буду этого делать. Ни за что!

Не знаю, сколько проходит времени, но одна из створок вдруг открывается. Монстр решил вылезти наружу. Если он почувствует, что я на него смотрю, всё пропало. И я крепко-крепко зажмуриваюсь.

Тихий скрип дверцы шкафа, едва слышные шаги – сначала к кровати, на которой под одеялом дрожу я, потом – к двери. Я слышу, как почти беззвучно поворачивается ручка и открывается дверь. Монстр ушел.

Я считаю до одиннадцати – больше пока не умею, и откидываю с головы одеяло, чтобы глотнуть воздух. Но захлебываюсь собственным криком – Монстр нависает прямо надо мной.

Белая ухмыляющаяся маска, черный балахон и руки в белых перчатках, тянущиеся ко мне.

«Бу! Я тебя обманул, дурочка. Сейчас унесу с собой», – противным голосом пищит Монстр и касается моих волос. От страха я теряю сознание. Меня поглощает тьма – вязкая и густая.

– Ангелина! – слышу я свое имя. – Ангелина! Да что с тобой?! Просыпайся!

Тьма кидается в стороны. Я открываю глаза.

В комнате почти светло – за окном медный рассвет. Надо мной нависает подруга, порядком растрепанная и испуганная. Она трясет меня за плечи.

– Что такое? – резко сажусь я в кровати и чувствую, как моментально начинает кружиться голова.

– Ты кричала во сне! Боже, как ты меня напугала. Я тебя бужу-бужу, а ты не открываешь глаза и кричишь, – закатывает глаза Алиса. – Я уже думала, что это какой-то приступ.

– Прости... Не хотела тебя пугать. Правда, прости, – искренне говорю я и смотрю на время – седьмой час. Мы встали раньше будильника почти на два часа, занятия сегодня поздно...

– Да ладно, главное, что ты в порядке. Что снилось-то? – спрашивает Алиса.

– Монстр, – хрипло смеюсь я. – Хотел меня унести куда-то.

– И часто такое бывает?

– Нет, – вру я. Раз в месяц мне снятся такие странные сны – с кровью или с монстром в белой маске. Иногда – чуть чаще, иногда – чуть реже. После занятий с психологом у меня не было их почти полгода, и я считала, что всё хорошо, но серьезно заболела мама, и, пока она почти месяц лежала в реанимации на ИВЛ, эти проклятые сны снились мне почти каждый день. Ушли лишь тогда, когда мама пошла на поправку.

– Наверное, во всем виноваты нервы, – вздыхает подруга. – Всё из-за тупого Поклонника, чтоб его... Интересно, а этим утром от него тоже придут цветы?

– Да, – отвечаю я. Он не пропускал ни одного дня. – У тебя тут и так оранжерея, куда еще...

Мы снова идем в прихожую, при утреннем свете чувствуя себя куда более смелыми, и осторожно выглядываем за дверь – ничего нет. Видимо, Поклонник еще не успел прийти.

Спать мы больше не ложимся, хоть и проспали всего несколько часов – решаем вместе ждать Поклонника, который обязательно придет с цветами, и торчим в прихожей у глазка. Но его всё нет и нет. В этот день он не приносит букета или корзины, и я должна радоваться этому, но у меня плохое предчувствие.

– Может быть, сегодня псих взял перерыв? – спрашивает Алиса. – Или так устал, бедняжка, проторчав всю ночь у подъезда, что теперь отсыпается?

– Или обиделся, – с усмешкой говорю я.

– Да плевать на него.

– Плевать.

«Как же теперь без цветочков?» – ухмыляется Демон.

Я иду в душ, а Алиса делает кофе, весело что-то напевая себе под нос. Погода на улице серая, капризная, однако, когда я выхожу из ванной, замотанная в полотенце, выглядывает блеклое солнце – падает прямо на мое влажное лицо и волосы, от которых пахнет ванилью. Мне снова кажется, что за мной наблюдают, пристально рассматривая, но точно знаю, что этого не может быть. А еще я снова ловлю себя на мысли, что ищу взглядом новый букет. Значит ли его отсутствие, что Поклонник оставил меня в покое?

«Без него будет скучно», – зевает Демон.

После завтрака мы приводим себя в порядок и отправляемся на учебу вместе, не забыв купить кофе. Сегодня всего две пары по арт-терапии детей и подростков, а потом два выход-

ных. По дороге к метро Алиса то и дело оглядывается – пытается понять, не следит ли за нами Поклонник.

– Кажется, моя паранойя перешла к тебе? – шутливо спрашиваю я. На улице сыро и пасмурно, солнце снова скрылось за облаками, а в лужах отражаются дома. – Еще бы, – фыркает она и цепляет меня под руку. – Слушай, может быть, ты все-таки знаешь того, кто так сильно мог на тебя запасть? Ты ни с кем не знакомилась? Не переписывалась в интернете? Не помогала кому-нибудь на улице?

Я уже сама сотню раз думала об этом и какое-то время грешила на длинноволосого парня, который брал у меня телефон перед тем, как стали приходиться цветы. А потом видела его в нашем районе – и каждый раз с новой девушкой. Он оказался просто бабником, который стрелял номера у каждой второй.

Может быть, это тот, кто однажды заставил меня сделать *выбор*?

Но он обещал, что мы больше никогда не встретимся.

Я впиваюсь ногтями в ладони – боль не дает мне погрузиться в воспоминания.

«Ты должна сделать выбор, Ангелина», – всё равно слышу я его голос и, чтобы прогнать его, беру ручку и с силой вонзаю ее в бедро. Разумеется, стержень сквозь джинсы не достает до кожи, но боль отрезвляет.

– Ты чего? – спрашивает меня Алиса. Я лишь качаю головой. Я в порядке. Я в полном порядке.

На потоковой лекции всё тихо и мирно. Я внимательно слушаю преподавателя, когда мне на телефон приходит сообщение. Я не сразу беру телефон, чтобы его прочитать, а когда читаю, мои брови поднимаются – это Стас, о котором я уже и думать забыла.

«Привет, Ангелина! – пишет он. – Извини, что не написал вчера, не вовремя разрядилась батарея. Как настроение?»

Внутри становится теплее. Безумно приятно, что он написал.

«Привет, Стас! – набираю я. – Ничего страшного. Настроение хорошее, а у тебя?»

«Несмотря на погоду – тоже ничего так. Странно, но ты мне сегодня снилась». – Его сообщение заставляет меня улыбнуться, но я спохватываюсь и делаю вид, что снова внимательно слушаю преподавателя.

«И что это был за сон? Надеюсь, не пошлый?» – спрашиваю я.

«Так, Ангелина, что за мысли?:) – веселится Стас. – Мне снилось, что мы гуляем по старинному городу. Не то чтобы мне снятся вещие сны, но ты не хочешь прогуляться сегодня?»

Я украдкой показываю сообщение Алисе.

– Соглашайся, – шипит она. С одной стороны, этот парень очень мне интересен, с другой, – мне не по себе после Поклонника. Я не знаю, что делать, и подруга понимает это.

– Ланская, он тебе нравится? – спрашивает Алиса. Я киваю. – Тогда иди. Чтобы потом не жалеть.

– А если...

– Если он и есть Поклонник? – догадывается она.

– Да, – стискиваю я зубы.

– Не думаю. Поклонник – закрытая сволочь, которая боится встреч. Но знаешь, если это он, у тебя будет возможность узнать его мотивы и понять, что он хочет от тебя. Главное, никуда с ним не ходи. Просто гуляй в многолюдных местах. Я буду рядом, а ты будь со мной на связи.

На нас внимательно смотрит преподаватель, и мы замолкаем. Я принимаю решение.

«Да, могу погулять. Где и во сколько?» – спрашиваю я.

«Я буду свободен после четырех. Могу подъехать к твоему университету и пойдем туда, куда скажешь:»», – мгновенно набирает ответ Стас.

«Можно просто погулять по центру. Как тебе?», – пишу я, он радостно соглашается.

«Отлично. Говори, куда мне подъехать:»».

Мы договариваемся о встрече сразу после того, как закончится последняя лекция, и время начинает тянуться мучительно долго. Я то и дело смотрю на часы и постоянно верчусь.

– Вижу, тебе этот тип и правда понравился, – усмехается Алиса на последней перемене. – Жаль, что у него аватарки нет. Очень бы хотелось посмотреть на твоего красавчика! Эй, а ты его для меня снимешь на камеру?

– Что он обо мне подумает? – возмущаюсь я.

– А ты незаметно! Ну, Ланская, ну, пожалуйста! Или селфи сделайте. Я тебе фото всех своих парней показывала. Мне теперь тоже интересно.

– Ты его и так увидишь, – смеюсь я нервно. Я в предвкушении нашего неожиданного свидания, и при этом мне страшно.

Едва лекция заканчивается, как я срываюсь с места – нужно успеть немного прихороситься, прежде чем приедет Стас.

Нежная персиковая помада, пудра, немного туши, «Мисс Диор» на волосы и запястья. Распушенные волосы, синие джинсы с завышенной талией, клетчатая рубашка, заправленная в них, и кеды. Знала бы заранее, оделась бы по-другому – в новенькое воздушное платье из N&M и туфли.

– Я нормально выгляжу? – спрашиваю я.

– Отлично, – кивает Алиса, осматривает меня, расстегивает вторую пуговицу на рубашке и поясняет лукаво. – Так лучше. Пусть заглядывает.

– Заглядывать-то он может, но найдет ли он там что-нибудь? – усмехаюсь я. – Я ведь не ты.

– Ой, хватит ныть! У тебя фигура, как у модели...

– Плоская, – перебиваю ее я. – Голова у тебя плоская, – бурчит Алиса и хлопает меня по пятой точке. – Всё, вперед, красотка. Покоряй своего Стаса. Надеюсь, он того стоит! А я буду следить за вами.

Мы спускаемся вниз и идем к выходу. Стас уже ждет меня – от него только что пришло сообщение.

– Он же точно не может быть Поклонником? – спрашиваю я то ли у Алисы, то ли у себя самой в последний момент. – Вот и узнаем, – зловеще говорит Алиса.

– Может быть, не ходить? – торможу я перед самой дверью. – А потом жалеть, что не пошла? Нет уж, подруга!. Из-за какого-то странного типа с цветами упустить человека, который может стать любовью всей твоей жизни?

Она права. Я мысленно считаю до трех и, нацепив улыбку, первой выхожу на улицу.

Глава 5

Стас уже ждет на улице. Стоит, засунув руки в карманы джинсов, и с улыбкой смотрит на меня. Ямочки на его щеках безумно притягательны. А пепельные волосы больше не кажутся экстравагантными. Они гармонируют с его образом.

– Ничего так, хорошенький, – шепчет на ухо Алиса. – Развлекись с ним, детка. Но будь осторожна и на связи со мной по телефону!

Она прощается со мной и уходит, бросая на Стаса многозначительные взгляды, а я направляюсь к нему.

– Привет, – первой говорю я. Немного волнительно, но я стараюсь выглядеть уверенной.

– Привет. Отлично выглядишь, Ангелина! Надеюсь, у тебя не было никаких планов. –

Он смотрит прямо в глаза, и его взгляд завораживает меня.

– Не было, – улыбаюсь я и зачем-то признаюсь, хотя и не должна делать этого, а должна набить себе цену. – Рада, что ты написал мне.

– Ждала? – спрашивает Стас лукаво.

- Просто хотела развеяться после учебы, – нахожусь я.
- Куда пойдем? Отведу тебя в любое место.
- Просто пойдем вперед, – отвечаю я. И он соглашается.
- Расскажи, как прошел день, – просит Стас.

В этот день мы много разговариваем. Говорить со Стасом легко и просто – мы словно на одной волне. У нас много общих тем для разговора – мы увлекаемся одними и теми же книгами, аниме и сериалами Netflix. У обоих плавание и море вызывают восторг. Слушаем Imagine Dragons и Coldplay. И оба обожаем вселенную «Гарри Поттера». Стас говорит, что до двенадцати лет свято верил, что однажды к нему прилетит сова с письмом. А я только смеюсь – я перестала верить в это в одиннадцать. И проплакала пол-Дня рождения, потому что в Хогвартс меня никто так и не позвал. Зато потом мама отвезла меня в парк с аттракционами, и день закончился хорошо.

Сначала мы гуляем по Цветочному бульвару, и Алиса, которая пишет мне сообщения каждые несколько минут, таскается за нами – у нее получается делать это незаметно, и в какой-то момент я забываю о подруге. Стас завладевает всем моим вниманием. Об Алисе я вспоминаю только тогда, когда она звонит мне.

– Короче, подруга, он кажется мне нормальным, – сообщает она по телефону бодрым голосом. – И очень милым. Отлично смотришься с ним!

– Спасибо, – сдержанно отвечаю я, надеясь, что Стас ничего не слышит.

– Я могу ходить за вами, как нянюшка, весь вечер, но нужно ли тебе это? – спрашивает Алиса.

– Нет, иди домой, – говорю я.

– Окей. Но будь на связи, чтобы я знала, в какой момент вызывать полицию, – хмыкает Алиса.

– Алиса! – возмущенно говорю я.

– Что? – невинным тоном спрашивает подруга. – Да шучу я, шучу. Наслаждайся своим блонди. Поцелуй его с языком, и всё такое.

– Тебя уже несет, – качаю головой я, и мы прощаемся.

А наша прогулка со Стасом продолжается. Через Олимпийский проспект мы направляемся к Екатерининскому бульвару и долго ходим по дорожкам, вымощенным плиткой, мимо еще не тронутых осенними красками деревьев, не замечая времени и вообще ничего не замечая, кроме друг друга. Кажется, что мы знакомы уже много лет.

Про себя я знаю одну особенность – в компаниях или просто на свиданиях с парнями я часто молчу. Слушаю собеседника и молчу, потому что не знаю, что сказать, а мысли блуждают где-то далеко-далеко. Только рядом с близкими людьми я расслабляюсь. Но рядом со Стасом всё иначе – мы поддерживаем разговор на равных, не перебивая друг друга, и нет неловких пауз. Рядом с ним комфортно.

Стас мягко и забавно шутит, без намеков на сарказм и неуместную иронию. У него есть манеры и чувство юмора, и это окончательно меня пленяет. Он не похож на человека, который будет присылать каждое утро цветы, скрывая свою личность, а потом ломиться в квартиру посреди ночи.

Во время прогулки к нам за помощью обращается женщина, которая хочет сфотографироваться со своими маленькими детьми в беседке. Она принимает нас за парочку. – Девушка, можно я попрошу Вашего парня сделать несколько снимков? – спрашивает она с улыбкой.

– Конечно, – отрываюсь я, и Стас берет у нее из рук телефон. Фотограф из него отличный – он не просто делает хорошие снимки, но еще и умудряется произвести впечатление на детей. Они слушаются его больше, чем мать, перестают баловаться и старательно позируют.

– Спасибо большое, – благодарит женщина, забирая телефон, и почему-то подмигивает мне. – Вам с ним повезло, девушка! Из него получится отличный отец!

На этом они уходят. Мне смешно.

– Любишь детей? – спрашиваю я с интересом.

– Скорее, привык ним, – отвечает Стас весело. – У нас большая семья. У меня есть старшая сестра и два младших брата. А еще куча двоюродных – и тоже все мелкие. Раньше тетя просила приглядывать за ними. Так что у меня отличный опыт.

– Большая семья – это здорово, – искренне говорю я. – Всегда хотела иметь старшую сестру.

– Сомнительное удовольствие, – ухмыляется Стас и касается волос. – Знаешь, откуда у меня этот идиотский цвет на голове?

– Дай подумать... Ты покрасил волосы? – насмешливо спрашиваю я.

– Это не было добровольным решением, прошу заметить. Я стал жертвой сестринского произвола. Одна из сестренек решила стать парикмахером-колористом и опробовала на мне краску на днях. Говорит, что мне идет, но я чувствую себя глупо. А перекрашиваться она мне запрещает – говорит, что волосы выпадут

– Тебе и правда идет, – искренне отвечаю я.

– Правда?

– Конечно. Можешь мне верить – как несостоявшийся художник я понимаю в цветах. У тебя яркий и запоминающийся образ, твоя сестра – молодец.

– Так ты еще и художник? – оживляется Стас. – А почему несостоявшийся?

– Потому что не получилось поступить в Суриковку.

Я рассказываю почти незнакомому человеку то, что не говорю тем, кого знаю много лет. Стас слушает, и мне нравится его внимание.

Небо постепенно рассеивается и к вечеру становится почти чистым. Правда, остается оно таким недолго – его озаряет закат. Мы со Стасом наблюдаем за ним, стоя на берегу пруда с утками. Небо окрашивается в грязный оранжевый цвет, исполосованный медными нитями. Редкие облака похожи на кровавую вату. И стоячая вода отражает небо, как зеркало. Солнце тонет за горизонтом, его лучи слабеют, гаснут, и наступают сумерки. Я не люблю тьму – ее обожает Демон, но рядом со Стасом он предпочитает сидеть смиренно.

– А ты умеешь рисовать портреты? – спрашивает вдруг Стас.

– Да. Маслом не пишу, работаю с акварелью, карандашом и углем. Ты хочешь, чтобы я сделала твой портрет? – уточняю я. Это одна из самых распространенных просьб, когда люди узнают, что я рисую. Рисовала.

– Неа, – беззаботно отвечает Стас. – На себя я и в зеркале полюбоваться могу.

– А почему спрашиваешь?

– Хочу сделать тебе заказ. Нарисуй портрет моей сестры на День рождения. Я заплачу, конечно, ты не думай.

– Но я давно не занимаюсь этим. Да и никогда не брала заказы, – теряюсь я. Его предложение слишком внезапно.

– Всё великое начинается с малого. Ну же, Ангелина, соглашайся! Я ведь знаю, каково это – не делать то, что любишь. – Его темные брови сдвигаются к переносице, и в голубых глазах что-то вспыхивает. – Знаешь, я почти никому не говорю этого, но раньше я занимался скейтбордингом. Всё началось с игры Топу Hawk. Потом – американцы с шоу-программой. Я был мелким, но помню, как это было потрясно – то, что они делали на своих досках. А потом я стал заниматься этим. Смотрел ролики и пытался повторять за профи, катался, где только мог. Мама была против, но я всё время стоял на доске. А потом она решила-таки отдать меня в школу скейтбординга. Это было крутое время.

Он улыбается, всё так же глядя в темный пруд, и от его глаз разбегаются лучики. Говорят, что такие бывают только у добрых людей.

– А чем закончилось? – затаив дыхание, спрашиваю я, понимая, что у этой истории печальный конец.

– Кубком мира. Московским этапом, – отвечает Стас. – Я отлично показал себя на квалификации. Пробился в полуфинал – с трудом, но смог. И... – Он делает паузу. – И?.. – И попал в аварию. Получил серьезные травмы. С тех пор о спорте можно было забыть. Больше я на доску не вставал.

– Ты перестал кататься даже для себя? – спрашиваю я.

– Да. Я максималист – или всё, или ничего. Или я ставлю на кон всё – не важно, ради любимого дела или любимого человека, или ничего. Одно из двух.

– Но это неправильно, – растерянно говорю я, осознавая вдруг, как мы похожи. В нашей палитре одни и те же цвета.

– Почему же? Ты ведь тоже перестала рисовать после своей неудачи с поступлением. Это тоже неправильно? – в упор смотрит на меня Стас.

– Да. Это избегание. Один из вторичных защитных механизмов психики. Я не сразу осознала это, – признаюсь я. – Тогда давай избавляться от него, – предлагает вдруг Стас. – Ты нарисуешь портрет моей сестры. А я... Я буду учить тебя кататься на скейте. Хочешь?

– Хочу, – уверенно говорю я.

– Тогда по рукам! – Он протягивает мне открытую ладонь, я вкладываю в нее свои холодные пальцы, которые он осторожно сжимает, и уже знакомая теплая волна пробегает по телу.

– По рукам.

– Замерзла? – спрашивает Стас.

– Нет, что ты, – качаю я головой, а он молча покупает мне горячий кофе, который немного согревает меня.

При этом Стас больше не выпускает мою ладонь из своей, широкой и теплой, а я и не пытаюсь высвободиться. Из парка мы выходим, взявшись за руки, и это безумно мне нравится. В одной руке парень, в другой стакан кофе – просто отлично! И плевать на то, что я ужасно замерзла.

– Кстати, я не спросил – у тебя ведь нет парня? – зачем-то уточняет Стас.

– Нет, конечно, – смеюсь я. – Иначе я бы не дала номер телефона. А у тебя есть?

– Кто? Парень? – веселится он. – Нет, я по женской части.

– Девушка, – в шутку толкаю я его плечом в плечо.

– Нет. Я не изменяю, – отвечает Стас, и вдруг его улыбка становится тусклой. – Это мне изменяют. Девушка, которую я любил, переспала с моим другом. Я застукал их в нашей квартире в самый неподходящий момент. Это было год назад. А сейчас они женятся. Свадьба в октябре.

Я чувствую укол жалости. Ненавижу измены.

– Ты сильно ее любил? – спрашиваю я.

– Да, сильно. Думал, что она меня тоже любит, но моего друга она любила больше, – смеется Стас. – Знаешь ли, у него довольно богатый отец.

– Это ужасно печально, но лучше узнавать о человеке такие вещи не тогда, когда вы состоите несколько лет в браке и имеете детей, а до этого. Считай, что тебе повезло. Всё, что ни делается, к лучшему.

– Ты права. А как у тебя с парнями?

– Никак, – решив быть честной, отвечаю я. – Я никого никогда не любила. И не встречалась – так, чтобы по-настоящему.

– Мне нравятся осторожные девушки, – почему-то говорит Стас, и это звучит особенно нежно.

Стас провожает меня до метро. Он готов поехать вместе со мной и проводить до квартиры, но мне кажется, что для первого свидания это слишком. Я не хочу, чтобы Стас прово-

жал меня до дома – и дело не в том, что он живет в другом конце города, а в том, что из-за Поклонника у меня появились необоснованные страхи. В конце концов, не так уж и поздно. Я привыкла ходить в такое время по улицам – сто раз так делала.

– Я доберусь до дома сама, – говорю я Стасу. Он вздыхает.

– Ангелина, ну, вот кем ты меня выставляешь? Каким-то придурком, который не в состоянии проводить домой девушку.

– Всё в порядке, – отвечаю ему я. – Ты не должен.

– Должен, – упорствует он, но я так на него смотрю, что он отказывается от затеи проводить меня до самого дома.

– Окей, – говорит он. – Тогда я посажу тебя в такси. Так пойдет?

– Нет, конечно, – смеюсь я. – Я доеду *сама*. – Какая же ты упрямая, – вздыхает Стас.

Я в который раз уже говорю, что до дома дойду сама, и, в конце концов, он соглашается. Перед тем как я сажусь в свой поезд, он вдруг склоняется ко мне и ласково целует – это просто прикосновение губ к губам, но мне кажется, оно высекает искры. Это безумно приятно, но я очень смущена – так, что даже не знаю, что сказать. И стоит ли вообще говорить. Никогда раньше я не целовалась на первом свидании.

– Позвони, как доберешься! – громко говорит Стас. Я в оцепенении киваю, захожу в поезд и стою у выхода, глядя на него через стекло, а он весело машет мне и жестом еще раз напоминает, чтобы я позвонила ему.

Губы приятно покалывает, и на душе поют птицы.

Это ведь начало чего-то хорошего?

Меня так к нему тянет, мы очень похожи, мы можем подарить друг другу нежность, а в моем сердце этой нерастроченной нежности слишком много.

Глава 6

Проводив Ангелину, Стас выходит из метро, переписываясь с кем-то по телефону и слушая музыку в беспроводных наушниках. Он не замечает, как следом за ним идет неприметный невысокий парень в кепке, который снимает его на телефон. А когда, все-таки почувствовав на себе пристальный взгляд, Стас оборачивается, тот, кто следует за ним, делает вид, что смотрит в экран, ничем себя не выдавая. И Стас идет дальше.

Мгновение – и сообщение с фотографией, на которой изображены Ангелина и Стас, целующий ее в губы, отправляется на телефон того самого брюнета.

Он находится в частном закрытом клубе с роскошным интерьером. Здесь царят два цвета – черный и красный в разных своих вариациях, – и потому кажется, что помещение мрачное. А еще здесь царит искусная эклектика – намешано несколько стилей: и классицизм, и ампир, и модернизм. Зеркала, картины, габаритные люстры, мощные колонны, тяжелая аристократическая мебель, глянцевая барная стойка, за которой расположились несколько человек. Едва уловимо пахнет сладковатым дымом, и сверкает розово-алая неоновая подсветка.

Клуб наполнен атмосферой таинственности. Это место для избранных. Для таких, как этот брюнет.

Он расположился на втором уровне, с видом на танцпол и небольшую сцену, где искусно и откровенно танцуют под трансовую музыку две девушки с длинными, до бедер, распущенными волосами – блондинка и брюнетка. За ними жадно наблюдают несколько человек, но ему до них нет никакого дела – он даже и не смотрит на их прекрасный танец. Закинув ногу на ногу, он сидит на кожаном полукруглом диване с ромбовидным узором на спинке. Одна рука покоится на закручивающемся, подобно свитку, подлокотнике, во второй – телефон. На его лице белая маска, и видны только глаза – темные и безразличные. Глаза человека, который не чувствует себя в этом месте безопасно.

Однако, едва парень получает изображение Ангелины и Стаса, в этих глазах вспыхивает огонь. Вспыхивает и тотчас утихает. И взгляд снова становится сосредоточенным и цепким. Как у волка.

«Узнай, кто это», – пишет он кратко. А спустя некоторое время встает и направляется в темное подвальное помещение со сводчатыми стенами, на первом уровне которого находится импровизированная сцена. От площадки поднимаются ряды широких кресел. Люди в точно таких же масках и мантиях с капюшонами рассаживаются по ним – всего около тридцати.

Хозяин клуба – его зовут Князь – выходит на сцену, тоже в маске и в мантии, и на него падает луч света. Становится видно, что на белой маске есть два кровавых потека, идущих от уголков глаз.

– Приветствую на новом сборе «Легиона», – говорит он громким, хорошо поставленным голосом. – Сегодня мы узнаем, что одержит победу: дружба или деньги. Дамы и господа, надеюсь, вы уже сделали ставки?

На сцене появляется девушка с завязанными черной лентой глазами.

Сейчас она сделает выбор.

Я едва не проезжаю свою станцию – мысли поглощают меня, и из раздумий меня выдергивает механический женский голос, сообщающий о прибытии. Стоит мне оказаться на наземной открытой платформе, как грезы о любви исчезают. Небо затянуто черной глянцевой пленкой, моросит противный мелкий дождь, деревья Измайловского лесопарка под ветром похожи на темные извивающиеся тени. Пахнет дождем и лесом – я обожаю этот запах, но сейчас не до этого. Мне не по себе.

У меня нет зонта, дождь становится всё сильнее, и я быстрым шагом направляюсь по знакомой дороге домой. Всюду пустые дворы, людей почти нет, лишь изредка проезжают машины, а чувство страха становится всё сильнее. Мне кажется, будто я видела тень, мелькающую в освещенных огнями лужах. Кажется, будто я слышу шаги – кто-то идет в кроссовках по мокрому асфальту.

А потом, когда я уже подхожу к своему дому, сжимая в замерзших пальцах канцелярский нож-скальпель для резки бумаги, кто-то бежит ко мне, прыгает и толкает в спину. И я едва не падаю, чудом удерживая равновесие.

Я резко оборачиваюсь, замахиваясь ножом, и намереваюсь с силой ударить противника, но слышу истошный вопль:

– Звездочка!

Я замираю. Соседская собака снова пытается поставить на меня лапы – радуется встрече, и я не без труда убираю ее от себя; вся рубашка грязная, и сзади, и спереди.

– Ты с ума сошла?! – кричит ее хозяйка. – Ох, Геля, прости, у этой собаки совсем никаких манер. Ты мне рубашку-то отдай, я постираю.

– Вы что, не надо, – говорю я. – Ничего страшного.

– Как ничего, – сокрушается соседка. – Постоянно на людей лапищи свои ставит.

Звездочка делает вид, что она не при чем, и я глажу ее.

Домой мы идем вдвоем – я, соседка и Звездочка. Я не злюсь на собаку, напротив, рада, что в подъезд мы заходим вместе. И рада, что я не успела ничего ей сделать канцелярским ножом.

– Со свидания? – весело спрашивает меня соседка уже в лифте.

– Гуляла с подругой, – лгу я – не хочу рассказывать ей о своей личной жизни.

– А надо с парнями гулять, взрослая уже, – говорит соседка с материнским укором. – Красавицей выросла. – Скажете тоже! – отмахиваюсь я.

– Вон у парня своего спроси, когда в следующий раз в гости придет, – улыбается она, но я предпочитаю отмолчаться. Не буду же я говорить, что вчера у меня в гостях была Алиса.

Мы выходим из лифта, и, прежде чем я подхожу к своей двери, соседка окликает меня по имени.

– Геля, я тебе пирогов дам, с капустой. Сама пекла утром, свеженькие. Компенсация за Звездочку, – говорит она и сует мне пакет с выпечкой. Отказаться не получается. – Другая бы скандал устроила, а ты добрая девочка, как мать. Кстати, как там она, отдыхает?

– Отдыхает, – вздыхаю я и иду к себе, чувствуя ужасную усталость от прогулки и переизбытка эмоций.

Дома я тотчас всюду включаю свет, разгоняя тьму, и пишу сообщения Алисе и Стасу о том, что добралась. На звонки у меня нет никаких сил – хочется поскорее попасть в ванную, понежиться в горячей душистой воде.

«Мне приехать к тебе сегодня?» – спрашивает подруга.

«Нет, не надо», – пишу я. Уже поздно, и снова начинается гроза. Не хочу гонять ее туда-сюда, хотя одной в квартире мне не комфортно.

«Ты уверена?»

«Да».

«Точно уверена?»

«Точно, Алис. Ты не можешь ночевать у меня вечно», – набираю я.

«Если что, звони в полицию!!!»

Перед тем как пойти в ванную комнату, я разговариваю по скайпу с мамой. Мы скучаем друг по другу.

– Что-то у тебя голос грустный, детка, – говорит она в конце разговора.

– Просто устала, – отвечаю я. – Учебный год только начался, а мне кажется, что я проучилась целый семестр.

– Отдыхай побольше, Веточка. Ты всё время усердно занимаешься, – вздыхает она. – А пока молодая, живи для себя.

– Я была сегодня на свидании, – признаюсь я вдруг.

– Да ты что? – оживляется мама. – С кем? Он хороший? Ему можно доверять?

– Его зовут Стас, мы только познакомились, но мне кажется, что хороший, – смеюсь я. – У него глаза добрые. И голубые, как у папы.

От него у меня осталось только несколько фотографий. И глаза у папы действительно пронзительно-голубые. Мама говорила, что полюбила его за глаза. И постоянно твердила, что они зеркало души. Я всегда изучаю глаза людей.

У Алисы они ясные и сверкающие.

У Стаса – теплые и внимательные.

У мамы – лучистые и всегда уставшие, хотя она улыбается и делает вид, что всё хорошо.

У *того* человека – выразительные и насмешливые, с ноткой безумия, затаившегося в узких зрачках.

У меня... Я не знаю, какие у меня глаза.

А у Демона и вовсе глаз нет. Одни узкие щели, залитые концентрированной тьмой.

Какие глаза у Поклонника, я тоже не знаю.

Мама спрашивает меня про Стаса, говорит подошедшей тете о том, что «у Веточки появился мальчик», и я краснею, пока они смеются.

– Свадьбу, если что, можно на море справить, – говорит тетя, известная сводница.

– Какая свадьба? – возмущаюсь я, ругая себя за то, что рассказала про Стаса. – Мы только познакомились!

– Все когда-то знакомятся, – пожимает она плечами. – А потом женятся.

Мы болтаем еще немного и прощаемся. Я направляюсь в ванную, чувствуя невероятную усталость. Не запирая дверь, я набираю полную ванну и погружаюсь в ароматную пену, которая пахнет, словно ягодный десерт в кондитерской.

Меня обволакивает горячая вода, и я расслабляюсь. Полежу полчаса, выпью чай и пойду спать. Завтра – выходной, и можно будет...

На этом я незаметно для себя засыпаю.

Мне снится, что я плыву в океане, рассекая руками прозрачную, подсвеченную солнцем воду, и мне не нужен воздух, чтобы дышать. Я плыву, плыву, плыву, пока вдруг меня не касаются щупальца ужасного чудовища, поднявшегося с глубины. Я оборачиваюсь и вижу кровавый след, который оставляю за собой. Чудовище нашло меня по этому следу.

Его щупальца обвивают мои руки и ноги и тянут на дно. Но кто-то вдруг хватает меня за плечи и тащит вверх. Я оказываюсь на песке, под рассветным розовым солнцем. Спаситель склоняется ко мне, гладит по волосам, дотрагивается до лица, проводит пальцами по линии шеи и плеч. Я чувствую его дыхание на скуле. И хотя я не знаю этого человека, меня вдруг охватывает странное, настойчивое желание – я хочу поймать его дыхание, хочу выпить его, хочу завладеть им. И поворачиваю голову – так, чтобы коснуться его губ своими.

Меня словно бьет током. На губах тает весенний снег. Грудь начинает что-то резать – но я терплю. И янтарное солнце касается моего распахнутого сердца.

Я хочу поцеловать своего спасителя, хочу коснуться его лица, которого не вижу, прижаться к его груди щекой, услышать его голос, повторяющий мое имя.

Но попытки почувствовать его поцелуй безуспешны.

– Тихо-тихо, – слышу я насмешливый шепот у своего уха. – Слишком рано, не находишь, принцесса?

Он уходит. Я остаюсь на берегу одна. Демон хохочет, и я просыпаюсь из-за его смеха, всё так же лежа в ванной, вода в которой уже остыла. Мне ужасно холодно, и затекли ноги. И как только я умудрилась уснуть в ванной? Сама не понимаю.

Я выбираюсь из воды, наспех обтираюсь полотенцем и, накинув любимый махровый халат, иду в спальню, где меня ждут цветы. Сегодня я не меняла им воду, и некоторые из них кажутся увядшими. Они укоризненно смотрят на меня и я, вздохнув, ухаживаю за ними. Время – половина пятого утра.

Из головы не выходит странный сон с полупоцелуем. Почему он казался таким реальным? Мне кажется, что я действительно чувствовала чье-то дыхание. Действительно касалась чьих-то губ. Действительно слышала чей-то шепот.

Из моих рук падает букет роз, и они осыпаются вокруг меня цветочным ковром. Мне в голову вдруг приходит мысль – а что, если это была реальность? Что, если ко мне в квартиру кто-то проник?

Я снова обыскиваю всю квартиру с ножом в руках, радуя своего Демона, у которого нездоровая тяга к холодному оружию. Никого. Балкон и окна закрыты. И даже в шкафу и под кроватью никого нет. Хотя раньше, в детстве, которого я не помню, там прятался Монстр.

Наверное, я просто схожу с ума.

Рассвет я встречаю на кухне, с включенным телевизором – мне больше не спится. Я снова жду Поклонника, который должен принести цветы, но его нет второй день. Кажется, я этому рада, но душу грызет беспокойство.

Я передумала множество вариантов, прикидывая, кто может быть тем, кого я называю Поклонником. Обсудила сама с собой мотивы его действий, но не пришла ни к какому выводу.

Единственное, что я поняла: не хочу, чтобы Стас оказался Поклонником.

Он возвращается в арендованную квартиру после очередного шоу «Легиона» уставшим. Не включая электричества, снимает с себя пиджак, небрежно швыряет и идет в ванную комнату. Ополаскивает горящее лицо ледяной водой – она стекает по темным волосам, попадает на рубашку.

Открывает окно – слишком душно в этой чертовой дешевой халупе. И проверяет мониторы – все камеры работают.

Она дома. Точно дома. Но где, в какой комнате, – непонятно.

Всюду горит свет. Ее одежда лежит в комнате, которую он мысленно называет цветочной. А ее нет.

Возможно, она в ванной или в туалете, но проходит час, второй, третий, а Ангелина всё не показывается. На исходе третьего он начинает волноваться. Сидит в кресле перед камерами и вместо комнат ее квартиры видит сцену из прошлого.

Ночь, теплая, но ветреная. Полная луна, похожая на желтый фонарь. Скрип – то ли от окна, то ли от двери. Едва слышный, но противный.

Он не может уснуть, лежит на боку в своей огромной кровати, с телефоном около подушки, и слышит, как стучит в окна ветер, и этот проклятый скрип.

В конце концов, он резко встает и босиком выходит из комнаты.. Шагает по коридору второго этажа роскошного особняка, в котором теперь живут только они с матерью, не считая обслуживающего персонала, разумеется. И не может понять, что это за странный шум.

Дойдя до спальни матери, он понимает, что скрип доносится оттуда, и стучит в дверь. Ему не открывают, более того, мать, вечно страдающая бессонницей, не отзывается. И тогда он, словно почувствовав что-то, бежит в соседнюю гостевую комнату, которая не запирается на ключ, оказывается на балконе и перелезает на балкон спальни матери. В комнате ее нет, кровать расправлена, на полу валяется разбитый бокал, а рядом разлито кровавой лужей вино. Зато отчетливо слышен скрип – из ванной комнаты. Это незапертое окно скрипит на ветру.

Он бросается в ванную, и там видит тело. Это невысокая худая женщина средних лет с темными волосами до плеч. Она без сознания, вокруг валяются какие-то таблетки и капсулы. Он цепенеет, но силой воли заставляет себя броситься к матери, трясет ее за плечи, умоляя открыть глаза, а потом вызывает частную «скорую» и охрану.

В элитный поселок на Рублевке «скорая» словно прилетает, а не приезжает. Всё происходит быстро и организованно. Мать спасают. Оказывается, она напилась снотворного, а потом и противорвотного и упала. Кто знает, что было бы, если бы не скрип окна.

Он не хотел терять мать. А она не хотела терять своего родного сына.

Ему не нравится, что Ангелина слишком долго находится в ванной. Воспоминания о матери не дают покоя. Ему не хотелось бы, чтобы малышка сделала с собой что-то сейчас. И на исходе третьего часа он решается – идет в ее квартиру. Поднимается в квартиру и тихо отпирает замок.

Ангелина лежит в ванной полностью обнаженной, и оставшаяся пена почти ничего не прикрывает. Она похожа на русалку с разметавшимися влажными волосами.

Сначала ему кажется, что девушка не дышит, и он на всякий случай проверяет ее дыхание. Склоняется к ней и понимает, что Ангелина просто спит. Он не боится ее разбудить – знает, что ее сон не чуткий, да и действует очень аккуратно. Однако вместо того чтобы покинуть ванную комнату, он, сам не зная, зачем, касается ее волос, пробегает кончиками пальцев по бархатной коже лица, касается шеи. А потом склоняется так близко, словно хочет поцеловать.

В его венах бушует адреналин.

Проснется или нет?

Увидит или нет?

Закричит или?..

Или он закроет ее маленький ротик рукой, и, пока она будет пытаться освободиться, запустит пальцы в волосы, наматывает их на кулак – так, чтобы она почувствовала легкую боль, и заставит ее быть покорной.

Почти касаясь губами ее скулы, парень вдруг осознает, что сейчас ставит на кон *всё*, сам не понимая, что делает. Неужели он сошел с ума? Он впервые так близко от Ангелины, впервые касается ее так откровенно, впервые чувствует такую власть над ней – что это? Из проклятья она стала вдруг наваждением?

Может быть, брат чувствовал *то же самое*? Она что, ведьма?

Эта мысль приводит его в норму. Он хочет отстраниться, но не успевает – она тянется к нему во сне, их губы соприкасаются, и его, словно молнией, ударяет в солнечное сплетение.

– Тихо-тихо, – хриплым голосом говорит он. – Слишком рано, не находишь, принцесса? И уходит.

Когда Ангелина открывает глаза, он тихо-тихо закрывает дверь ее квартиры.

Он уверен – в этой девчонке есть *что-то*, от чего срывает крышу.

Цветы присылать ей он пока не будет. Пусть пытается понять, куда он пропал.

Уже в своей квартире он вспоминает парня, с которым она сегодня встречалась. И усмеяется – это не конкурент, ведь от него он с легкостью избавится.

Пора начинать второй раунд.

Засыпает он перед монитором, глядя на то, как она ждет его у двери, то и дело заглядывая в глазок.

Глупая. Или притворяется такой? Никто ведь не знает, какая это маленькая тварь на самом деле. Но будет приручена, как собака.

Почему он только назвал ее принцессой?..

Глава 7

Это было втрое утро, когда цветов от Поклонника не было. Да, я ждала его, кусая губы, но не потому что безумно хотела заполучить его цветочки, или жаждала его внимания, я просто *не понимала*. Почему модель его поведения изменилась? Что за этим кроется? Могу ли я воспринимать это как хороший знак? Или, напротив, это предвестник беды?

Я все делала на автомате – готовилазавтрак, убирала квартиру, выкидывала засохшие цветы (при этом их общее количество в моей спальне всё еще оставалось внушительным). Я не слышала музыку, которая играла в колонках, не чувствовала желания танцевать и подпевать любимым песням, как делала обычно, даже голода неощущала, а думала о Поклоннике.

Возможно, это и было его целью – заставить меня всегда помнить о себе, «заякорить» – с помощью внешнего стимула вызывать определенную реакцию, создать этакий условный рефлекс, как у подопытной собачки. Наверное, он добился своего – едва я вижу цветы (любые цветы, не только те, которые безмолвно ждут своей смерти у меня в комнате), я невольно вспоминаю о нем.

Демон энергично кивает.

Условные рефлексы – основа приобретённого поведения. А я не хочу вести себя так, как хочет кто-то другой.

«Ты просто ничего не знаешь, – радостно шепчет Демон. – Ты просто ничего не помнишь. Какая ты настоящая?»

Он безумно надоел мне. Проходя мимо большого зеркала в прихожей с кружкой в руках, я останавливаюсь и смотрю в него.

Распущенные волосы, после сна в ванной кажущиеся запутанными.

Бледное, осунувшееся лицо.

Угловатая и зажатая.

Я никогда не казалась себе красивой. Я бы изменила в себе многое.

«Ты ведь не сможешь этого сделать, – тоненьким голосом говорит Демон. – Ты не сможешь изменить себя. Ни внешне, ни внутренне».

Я не отвожу взгляда от своих золотисто-ореховых, с темной каемкой, глаз.

«А ведь в тебе сокрыто столько тайн. Почему ты не помнишь своего детства? – спрашивает Демон лукаво. – Почему ты до сих пор видишь Монстра во снах? Почему к тебе обрывками приходят кровавые воспоминания из прошлого? Так много «почему»...»

«Пошел прочь», – с отвращением думаю я и поворачиваюсь спиной к своему отражению.

«Может быть, тебе стоит задать пару вопросов мамочке, моя маленькая убийца?»

Я не могу сделать ни шага. Кружка падает и разбивается. Меня накрывает страх и ненависть. Кислорода не хватает, кажется, что я вот-вот задохнусь, руки, которыми я зажимаю рот, чтобы не закричать, дрожат. Не в моих силах контролировать это. Я не могу ничего сделать с паническими атаками, от которых, казалось, я успешно избавилась.

В себя я прихожу, сидя на полу. Всё лицо залито слезами, сердце выпрыгивает из груди, и я слышу его шум в ушах. Передо мной – осколки. То ли кружка разбилась, то ли я сама, и эта мысль меня почему-то смешит.

Я собираю осколки, но пальцы всё еще дрожат, кажутся неловкими. И режусь, сама не знаю, как. Из раны на ладони течет кровь и явно не собирается останавливаться. Я обрабатываю ее, как могу, попутно заливая кровью белую домашнюю футболку до колен. Наложив бинт, я снимаю ее с себя и иду отстирывать пятна. Выйдя из ванной комнаты, шагаю в свою спальню, в который уже раз чувствуя на себя чей-то пристальный взгляд. Мне хочется прикрыться, и я инстинктивно прикрываю обнаженную грудь, хотя в следующий момент ко мне приходит осознание, что это мой дом. И я здесь *одна*. Всё остальное – мои выдумки, и мне нужно перестать бояться всякой чуши. Поэтому я убираю руку.

Спустя пару часов я прихожу в себя – словно и не было никакой панической атаки. Переписываюсь с Алисой, включив фоном первый сезон «Шерлока» с любимым Бенедиктом Камбербэтчем. Домашних заданий в начале семестра еще не так много (хотя промежуточная аттестация, а следом за ней зачетная неделя всегда начинаются неожиданно, как первый снег), и я имею полное право немного полениться в законный выходной.

Подруга расспрашивает о свидании со Стасом – ей всё ужасно интересно. В итоге она благословляет меня на отношения с ним.

«Знаешь, Ланская, а ты смелая, – записывает она мне голосовое сообщение, а где-то на заднем фоне капризничает ее младшая сестра. – Молодец, что пошла на свиданку, я бы, наверное, не решилась. Мне бы этот твой Поклонник всюду мерещился. Но Стас внушает доверие, познакомь нас потом!»

«Ты ведь сама меня к этому подтолкнула!» – возмущаюсь я.

«Неа, подруга, ты сама этого хотела, я же видела, – отвечает Алиса. – Ты упрямая девочка – если чего-то не хочешь, никогда не сделаешь».

В полдень мне пишет Стас. Видимо, он только проснулся. И мне приятно, что он сразу же вспомнил обо мне.

«Доброе утро, Ангелина! – читаю я, лежа на диване. – Как спалось?»

«Доброе! Хорошо, Стас, – набираю я ему тут же. – А тебе как? Я больше не снилась?»

«Я думал о тебе весь вечер:) Чувствовал себя идиотом, потому что не пошел провожать. Давай договоримся – в следующий раз я доведу тебя до подъезда. Хорошо? Для меня это важно».

«Хорошо...» – соглашаюсь я. У нас будет следующий раз? Интересно, когда?

«Ты не занята сегодня? – словно читает он мои мысли. – Может быть, сходим в кафе?»

Я переворачиваюсь со спины на живот, мечтательно улыбаясь.

«У меня есть идея получше. Может быть, погуляем в Измайловском парке?»

«Отличная идея, Ангелина! Я там очень давно не был:)»

Мы договариваемся о времени – я встречу Стаса на платформе через два часа. Помня о нашем вчерашнем уговоре, он присылает мне фотографию своей сестры. Это уверенная тем-

новолосяя девушка с темно-малахитовыми глазами, которые смотрят на мир с вызовом и, как мне кажется, с долей высокомерия. У нее высокие скулы и выразительные алые губы, которые кривятся в ухмылке. Она довольно красива и с правильными чертами – этакое «коммерческое» лицо. Такие лица всегда отлично продаются.

Сестра Стаса совершенно не похожа на него, но меня это совершенно не смущает. Я, например, совсем не похожа на маму.

Я обещаю ему нарисовать портрет Эллы – так зовут девушку – и даже честно иду в кладовке свои старый скетчбук, ластик, набор чернографитных карандашей мягкостью 5В... Но не рисую – не могу пересилить себя. Однако то, что я достала их, – уже большой прогресс. И я отлично понимаю это.

К свиданию со Стасом я снова готовлюсь долго и тщательно. Укладываю волосы, делаю макияж – хайлайтер и скульптор из одной палетки, подаренной Алисой, легкие тени, тушь, тоненькие аккуратные стрелки, помада. У меня неплохо получается макияж, хотя я редко его наношу. Мне снова хочется надеть платье, но на улице похолодало, и воздух сырой, поэтому приходится натягивать белые узкие джинсы и лоферы. Сверху я набрасываю классический бежевый тренчкот с отложным воротничком, двубортной застежкой и поясом с пряжкой.

Я готова к встрече и, схватив сумку на длинном ремне, бегу на свидание. Правда, далеко убежать не успеваю – мимо проезжает машина, и брызги из-под ее колес летят прямо на белые джинсы. Сказать, что я в шоке, – ничего не сказать. Я мчусь обратно домой, проклиная водителя, который словно специально сделал это, и надеваю синие джинсы. Мне кажется, что мой выстроенный до мелочей образ рушится.

«Ты ведь веришь в знаки?» – спрашивает Демон глумливо, намекая, что со Стасом ничего не получится. Я шлю его куда подальше и снова спешу на улицу. На втором этаже я, как назло, падаю – каким-то образом подворачиваю ногу. И мне вдруг кажется, что я слышу смех. А еще кажется, будто за дверью квартиры, расположенной прямо под моей, кто-то стоит. Соседей оттуда я не знаю – хозяйка постоянно сдает ее кому-то.

Разумеется, из-за всей этой возни я немного опаздываю. И когда прихожу, Стас уже ждет меня. На нем голубые джинсы, джинсовая куртка в тон, фланелевая рубашка и грубые ботинки. Он отлично выглядит. – Прости, – говорю я, запыхавшись.

– Всё в порядке, – отзывается он с легкой улыбкой. – Девушки должны опаздывать.

Я с ним не согласна, но молчу. Мы неспешно идем к лесопарку.

– Ты чем-то расстроена? – Стас вглядывается в мое лицо.

– Нет, всё в порядке, – отвечаю я, отмечая для себя, что уровень эмпатии у него довольно высок. А ты поздно лег вчера?

– Ага, до утра почти ходил в рейд, – смеется он.

– Во что играешь? – Мне действительно интересно.

– В «вовку». «Варкрафт», – поправляется Стас. – Снимает напряжение. А ты гамаешь во что-нибудь? То есть, играешь? – снова с улыбкой поправляет он самого себя.

– Раньше – в «Файнел Фэнтези» и еще в парочку, но потом времени перестало хватать. Но иногда безумно хочется вернуться, – признаюсь я.

– Может быть, мне удастся перетащить тебя в «вовку»? Ходили бы в одной пати в данжи. У меня один друг постоянно играет со своей девушкой в связке: танк плюс хил. Выходит классно.

Стас что-то рассказывает мне о чарах, классах, игровых расах, подземельях и боссах. А когда мы углубляемся по дорожке в лес, он спрашивает:

– Можно, я возьму тебя за руку?

Вместо ответа я протягиваю ему свою ладонь, и он не отпускает ее всю прогулку.

Мы долго гуляем по дорожкам и тропинкам, вдыхая свежий и влажный воздух, разговариваем, смеемся, кормим белочек – я заранее приготовила орешки. Измайловский парк – мое

любимое место, он кажется мне самобытным, чистым и удивительно живым. Полянки, мелкие речки, мостики – мы словно в волшебном лесу. И я рада, что Стасу нравится здесь, со мной.

Мы направляемся к Пасеке, доходим до Лебедянского пруда – это мой любимый, но Стас никогда не видел его, – отдыхаем на лавочке, кормим уток, а потом, усталые и довольные, сидим в кафе, где Стас заявляет, что платить будет он, и точка, а потом садимся в автобус. В этот день Стас провожает меня до самого дома, и мне снова кажется, что мы знаем друг друга тысячу лет.

Единственное, что омрачило прогулку, – тельце мертвой белочки на дорожке. У меня на глазах появились слезы, а Стас растерялся.

– Не смотри, – сказал он тихо и повел меня дальше.

А когда мы были рядом с моим домом, откуда-то появился высокий парень в капюшоне, скрывающем лицо. Опустив голову и засунув руки в карманы черной толстовки, он прошел мимо и зацепил меня плечом – так, что я выронила из рук телефон, который по привычке несла в свободной руке. Слава богу, с ним всё в порядке. Падал он у меня не раз.

– Эй, извиниться не хочешь? – крикнул ему в спину недобрым голосом Стас, но парень в толстовке, даже не поворачиваясь, поднял правую руку и лениво показал в ответ средний палец. Просто придурок какой-то.

Голубые глаза Стаса угрожающе темнеют.

– Ненавижу гопоту, – презрительно говорит он.

– Да ладно, – миролюбиво говорю я, смахивая с телефона пыль. – Если в человеке нет культуры, то это его проблема. – Ты слишком милая, Ангелина.

– Не милая. Просто мы не можем быть в ответе за всех, кто остановился в своем развитии, – возражаю я.

Стас смеется, и его лицо снова озаряется солнцем.

Когда на небе появляется ржавый закат, он снова целует меня. Теперь по-настоящему.

Он держит меня за плечи – аккуратно и ласково, боясь спугнуть, сначала просто водит губами по моим, словно пытаюсь понять, не буду ли я против, потом осторожно углубляет поцелуй. Он умел – не знаю, сколько губ перецеловал, но сдерживает себя, стараясь не быть напористым. Все-таки этот человек очень хорошо понимает меня, и я благодарна ему за это.

Мои руки лежат у него на груди – я чувствую, как она вздымается, глаза закрыты и дыхание сбивчиво. Однако я ощущаю напряжение – не могу расслабиться и отдаться волнующим ощущениям, не могу отвечать на поцелуи с той же отдачей, что и Стас, не могу найти в себе смелости обнять его, изучать, гладить.

Я чувствую исходящий от него свет, но не могу принять его – мешает каменная стена, которую я воздвигала так много лет. А где-то внутри хихикает Демон и шепчет гадости – до меня доносятся обрывки. В каждом его смешке – брезгливая ненависть, которую он долгое время прятал.

Стас чувствует мое напряжение и отстраняется на несколько секунд.

– Всё хорошо, Ангелина, ты очень нужна мне сейчас, – шепчет он мне на ухо, поглаживая затылок, и продолжает. От этих его слов мне становится спокойнее, Демон затыкается, и я позволяю себе получить удовольствие от этого закатного поцелуя.

От Стаса пахнет весной, талым снегом и теплым солнцем.

Я наконец обнимаю его за плечи, становясь увереннее.

Волна сменяется немой дрожью.

На моем языке и губах вкус солнечного света, с нотками лесного меда, шоколада и миндаля.

Всё это прекрасно, но лишь отдаленно напоминает поцелуй, который приснился мне ночью.

За ними наблюдает пара темных пристальных глаз. Парень в черной толстовке, из-за которого Ангелина уронила телефон, стоит во дворе, за деревьями, и не сводит с целующихся немигающего взгляда.

Не стоило огрызаться, ведь ему нужно быть незаметным, но этот непонятно откуда взявшийся чертов блондин безмерно его раздражает. Какого дьявола он появился именно в это время? Что ему от нее нужно? Девчонка понравилась ему?

Он не верит в случайности. И узнает, кто этот крысеныш на самом деле. А даже если это случайность, сделает так, чтобы его не было рядом с Ангелиной Ланской.

Горит плечо – не то, которым он задел ее, а другое, на котором осталась рана после сбора «Легиона». Неглубокая, но болезненная.

Это его проигрыш – он сделал неправильную ставку на того парнишку. Поставил на дружбу, а тот предал друга ради денег – обычное дело, но парню в черной толстовке иногда хочется верить в торжество человечности. В силу простых привязанностей, а не в силу денег. Конечно, на кон можно было бы поставить бабки или очередную тачку, но Князю нравятся куда более интересные ставки.

Сегодняшней ставкой этого человека, не сводящего взгляда с целующихся, была кровь, и Князь аккуратно и медленно разрезал скальпелем кожу, подставив кубок, – так, чтобы кровь – темная, будто расплавленный багровый закат, текла в него.

Было больно, но он терпел, даже не сжал зубы, не вцепился в подлокотник кресла – оставался спокойным на радость Князю.

«Кто сможет вытерпеть боль, тот однажды поймет всю ее силу», – любит повторять он.

Рана несерьезная, кроме того, ее заботливо обработали, а плечо перевязали, но парень в толстовке не сомневается – однажды ставки станут куда мощнее.

Князь – псих. И клуб, который он создал, тоже для психопатов. Или для тех, кому слишком скучно живется.

«И имя нам Легион», – улыбаясь, любит повторять Князь, хотя их, Даймонов¹, членов тайного закрытого клуба, делающих странные ставки, всего тридцать три. Остальным вход запрещен. Всем, кроме Бабочек – приглашенных «гостей», на которых делаются ставки. Тех, с кем они изошренно играют.

Князь помешан на библейской символике.

Закат гаснет, солнце плавится в темных тучах и стекает вниз, а они все целуются. Блондин знает, что делать, понимает, каким нужно быть, чтобы девчонка стала послушной, чтобы таяла в его объятьях, а она и рада стараться. А может быть, наоборот – она знает, что нужно делать, чтобы блондин сходил от нее с ума?

Темноволосому парню в черной толстовке не нравится смотреть на этих двоих, ему противно, но он не может уйти – должен контролировать ситуацию. Однако в какой-то момент он понимает, что не прочь оказаться на его месте.

Это желание словно вспышка. Он широко улыбается – будто скалится. И касается шрама на подбородке.

Под его кожей засела тьма, которую ему не по силам вытащить.

Когда в полную силу разгораются желтые фонари, эти безликие маленькие солнца, Ангелина и Стас расстаются. Они говорят о чем-то, и блондин уходит. А Ангелина исчезает в подъезде.

¹ Даймоны – древнегреческое философское понятие, которое философы отождествляли с внутренним голосом человека, совестью. Даймоны могли творить как зло, так и добро. Платон называет даймонов разновидностями воздушных существ. В римской мифологии этому слову соответствует слово «гений».

Выждав несколько минут, брюнет, поглубже натянув капюшон на глаза, тоже идет в этот подъезд – к себе домой. Но стоит ему приблизиться к двери, как она распаивается, ударяя его по плечу, прямо по свежей ране. За порогом стоит она и испуганно на него смотрит.

В ее руке нож-скальпель для бумаги.

Его первая мысль: «Она нашла меня?»

Мы расстаемся со Стасом с приходом тьмы. Моя паранойя снова дает о себе знать – кажется, будто чей-то взгляд сверлит спину, и я первая отпускаю Стаса. Но он не злится. Просто касается моей опущенной ладони, гладит кончиками пальцев и ослепительно улыбается.

– Я не поспешил? – спрашивает он, потирая затылок. Он немного растерян, словно сам от себя этого не ожидал, но доволен.

Я мотаю головой и тихо добавляю.

– Это было чудесно.

– Тогда обещай, что повторим.

– Обещаю.

Наш разговор прерывает звонок.

– Сестра, – закатывает глаза Стас, отходит от меня на пару шагов и отвечает. – Хорошо. Окей. Не кричи. Да, сейчас. И я.

– Ангелина, мне пора, – говорит он, хмурясь. – Элла просит приехать – у нее что-то с ноутбуком, а ей срочно нужно сделать документы по работе.

Мы расстаемся нехотя. Я не хочу его отпускать, не хочу оставаться в одиночестве, но заманчивое предложение Алисы снова переночевать со мной я опять отклонила. Сегодня у нее свидание с новой «жертвой», как она говорит. Не хочу ей мешать.

– Напиши, как доберешься до дома, – прошу я.

– Конечно. Не скучай. Нет, лучше скучай, – меняет Стас решение и обнимает меня на прощание. – Спасибо за этот день.

– И тебе.

Я вхожу в подъезд, окрыленная и воздушная, а он уходит в сторону остановки. Добежав до своей двери, зажав в руке всё тот же канцелярский нож, который всегда со мной, я замираю – открывается соседняя дверь, и из квартиры, пропахшей старыми духами, высовывается моя соседка, хозяйка Звездочки.

– Гелечка, это ты? – говорит она, держась руками за спину. – Не могла бы ты меня выручить?

– Что такое? – спрашиваю я удивленно.

– Спину прихватило, а на телефоне денег нет, даже сыну позвонить не могу. Может быть, ты мне положишь деньги на счет через терминал? – Она сует мне пятьсот рублей. Со вздохом я соглашаюсь – не могу отказать пожилому человеку. Соседка сетует на поясницу, плохих врачей, невестку и заранее благодарит меня, не понимая, как мне не хочется возвращаться во тьму в одиночестве.

Сначала я хочу закинуть ей деньги через банковское приложение на телефоне, чтобы снова не бежать на улицу в темноте. Но на счету у меня всего лишь рублей сорок, и мне приходится спускаться вниз.

«Ангелина, тебе нужно быть смелой и избавиться от дурацких страхов», – говорю себе я, вспоминая поникшие цветы Поклонника и, прикусив губу, спускаюсь.

Я сбегая по ступеням, резко распаиваю тяжелую подъездную дверь и цепенею, всё так же держа в руке свой глупый нож. Я ударила человека – попала по плечу, которое он тотчас сжал правой рукой. Ключ, который он держал в ней, упал.

Мне кажется, что пропали все звуки, и мир окутала плотная тишина.

– О боже, – шепчу я. – Пожалуйста, извините!

Это молодой человек – высокий и широкий в плечах, и судя по ключам, он, видимо, из моего подъезда. Хотел открыть дверь, а тут ее внезапно распахнула я.

Он слушает меня и молчит. А я чувствую вину. Ненавижу делать людям больно и такие неловкие ситуации! Наверное, он думает, что я неуклюжая и тупая.

– Я правда не хотела! Так неловко! – выдыхаю я, почему-то ужасно желая услышать его голос. – Вам... Вам сильно досталось?

Парень ничего не отвечает, сверлит меня цепким взглядом из-под надвинутого на лоб капюшона черной толстовки – я не могу разглядеть ни его глаз, ни лица, понимаю только, что он брюнет и что на подбородке у него шрам. Он не слишком заметен в тусклом электрическом свете, но я тотчас выхватываю его взглядом – я привыкла искать в людях особенности.

Мне хочется дотронуться до этого шрама. Абсолютно иррациональное чувство, но это желание слишком сильно. Чтобы не поддаться ему, я стискиваю пальцы в кулак. А вторую руку, с ножом, прячу за спину.

Спохватившись, я поднимаю ключи и отдаю ему. Он почти вырывает их свободной рукой, на которой блестит кольцо, грубо отталкивает меня плечом, и я вдруг понимаю, кто он такой. Это тот самый невоспитанный тип, который толкнул меня, а потом показал Стасу средний палец. Вот это встреча. Этот умник живет в моем подъезде? Чудесно.

Чувство вины частично исчезает. И откуда-то появляется злость.

– Наверное, это карма, – говорю я неожиданно насмешливым – чужим – голосом ему в спину. – Из-за тебя упал мой телефон, а потом я ударила тебя дверью. Эффект бумеранга, и всё такое?

Обычно я вежлива и не обращаюсь к незнакомым людям на «ты», да еще и таким тоном. Но тут на меня что-то находит. Что-то, что я не могу контролировать. А может быть, не хочу.

Парень оборачивается – медленно и тяжело. Он вообще производит тягостное, давящее, «темное» впечатление, и меня это немного пугает, но не отталкивает. Я впитываю его тяжелую энергетику, не понимая, что за странное любопытство овладело мной. И думаю, что он скажет мне что-то банальное и грубое: «Не болтай глупости», «не лезь под ноги» или просто как-нибудь обзовет. Но он убирает руку с плеча и прижимает указательный палец к своим губам, безмолвно веля мне молчать. После разворачивается и медленно поднимается по ступеням – ботинки у него тяжелые, но поступь легкая, как у хищника.

Я стою на пороге, придерживая дверь, и смотрю ему вслед. В горле застревают невысказанные насмешки.

Нет, впечатление на меня произвел не его странный жест, а багровая кровь на его ладони, которой он зажимал плечо. Думаю, он и сам не понял, *что* я увидела.

Ведь я не могла ударить его дверью... до крови?

Не могла. Я могла поставить синяк, но не нанести рану.

«Или что-то сделать со свежей раной», – счастливым тоном подсказывает Демон. Мне кажется, его будоражит вид крови – лучше всего, чужой, не моей. При виде моей он прячется, будто боится ее или брезгует.

Шум улицы снова наполняет мою голову – тишина отползает, и я глубоко вдыхаю сырой воздух.

Домой я возвращаюсь благополучно, без приключений.

Полночи я работаю над портретом сестры Стаса – впервые за долгое-долгое время. Выходит небрежно – сказывается долгое отсутствие практики, но я знаю, что выложились на все сто. И я рада, что мои пальцы всё помнят.

Я засыпаю под утро, с улыбкой, под одеялом, с приятной и такой знакомой тяжестью, которая наваливается после бессонной ночи с кистями и карандашами.

Кроме портрета незнакомой мне Эллы у меня есть набросок парня в капюшоне. Я запечатлела его в себе в тот момент, когда он обернулся ко мне, приложив палец к губам.

Мне интересно увидеть его лицо.
Но как же это глупо.

Глава 8

В воскресенье снова ярко сияет солнце – дожди и холод отступили под напором его лучей. Цветов от Поклонника так и нет. Он куда-то пропал – так же внезапно, как и появился. Это из-за того, что я за ним погналась? Из-за того, что не открыла ему дверь в ту ночь? Из-за Стаса? Как знать.

Если бы не Алиса и не медленно увядающие цветы в моей спальне, я думала бы, что сошла с ума и выдумала себе всё. Я ведь действительно странная. Сколько ни убегай, сколько ни ставь преград, но признаться самой себе в этом всё же нужно.

Я не помню своего детства.

У меня есть свой Демон и мания преследования.

Мне снятся странные сны с Монстром.

Мне дарит (или дарил?) цветы странный человек.

Я совершила непростительную ошибку в прошлом.

Но сегодня я не хочу об этом думать – я очень устала от мыслей и стараюсь нагрузить себя по полной. Учеба снова меня спасает, хотя на какое-то мгновение я опять задумываюсь над тем, принесет ли мне удовлетворение моя будущая профессия.

Рисовать мне нравится гораздо больше. Дело не в том, что быть художником лучше, чем помогать детям, работая с их когнитивной и психо-эмоциональной сферами. Дело в том, что мне больше нравится рисовать. И сегодня я отлично это понимаю. Руки сами тянутся к карандашам, я даже пытаюсь изобразить Стаса. Но почему-то не получается – всё не то, а в конце и вовсе ломается карандаш. Зато я присылаю ему фото портрета, и он радуется – говорит, Элла получилась великолепно.

«Сколько стоит твоя работа? – спрашивает он.

«Столько, сколько стоит работа человека, обучающего других кататься на скейте», – отвечаю я.

«Ангелина, я же серьезно».

«И я. Ты обещал меня научить:))»

«Научу. Всегда выполняю свои обещания».

Сегодня встретиться у нас не получается – у Стаса какие-то дела дома, и мне остается лишь порадоваться за него. Мне всегда нравились большие семьи, а у него именно такая. Большая и дружная.

«Давно ли зависть стали называть радостью?» – спрашивает Демон. И я отгоняю его прочь. А еще я начинаю заниматься аутотренингом.

Утро понедельника снова обходится без цветов. Почему-то меня это раздражает. Поклонник решил пропасть или выжидает? В любом случае мне хочется послать его далеко и забыть о нем. Увядших цветов всё больше, новых нет. Ряды моей оранжереи редуют. Мне приходит в голову, что Поклонник обиделся на меня за то, что я отдала те розы из стеклянной коробки девочкам. Но откуда он об этом узнал? Следит? Или просто ошивается где-то поблизости?

Делая себе завтрак, я неожиданно прихожу к выводу, что привыкла к сладковатому цветочному аромату и больше его не чувствую. Перед тем как покинуть квартиру, я захожу в свою комнату и окидываю цветы долгим взглядом. Как бы я ни старалась, продлить им жизнь у меня не получится.

На учебе всё хорошо, я, как всегда, готова, изнаю, что нужно отвечать. Но снова не чувствую интереса – только этого никто не замечает.

После второй пары, на двадцатиминутной перемене, мы с Алисой сидим в маленькой столовой и болтаем. Она рассказывает мне про парня, с которым была на свидании. Его зовут Игорь, и, по ее словам, он просто потрясающий.

– Целуется как бог, – заявляет довольно Алиса. – А еще у него шикарная машина! Audi TTS. Красного цвета.

– Он тебе нравится? – спрашиваю я.

– Еще бы! Мы полночи катались по городу. Были на Воробьевых горах – оттуда вид просто потрясающий. У Стаса есть тачка? Если есть, пусть отвезет тебя на автомобильное свидание. Эй, только не говори, что у твоего Стаса нет машины.

Когда Стас успел стать моим, я не знаю, но мне смешно.

– Ланская?.. – подозрительно спрашивает подруга. В ней удивительным образом сочетаются меркантильность и искренность. – Алис, понятия не имею, есть ли у него машина или нет, – смеюсь я. – Мы об этом не говорили.

– А о чем вы говорили, позволь узнать?!

– О музыке, фильмах, живописи, книгах, мире, людях. О себе. Обо всем понемногу. Как и я, он любит инди-музыку. В восторге от Эндрю Уайетта и Эдуарда Мане. И ему, представь себе, известно, чем Мане отличается от Моне. А еще он знает, кто такой Какусика Хокусай и его «Тридцать шесть видов Фудзи», представляешь? – делюсь я. Это мой любимый гравер и любимый азиатский художник.

– Ну, просто вторые половинки! С ума сойти! – кричит Алиса. – Вы столько болтали, и ты не узнала главного?! Машина, квартира, родители – тебе это неинтересно?!

– Его мама – детский психолог, как и я, – отвечаю я.

– Всё понятно, – вздыхает подруга. – Неперспективный. Но ты от него в восторге, да?

– Что-то вроде того, – осторожно отвечаю я.

– Даже несмотря на всё это, я за тебя рада, – вздыхает Алиса. – Тебе нужен парень. Тебе нужна любовь. Так, чтобы внутри всё взрывалось и чтобы эмоции разрывали на части.

Со Стасом ничего не взрывается – чувства к нему похожи на спокойную полноводную реку, которая неспешно куда-то бежит. Но разве это плохо? Это замечательно.

– А у тебя взрывается душа от Игоря? – спрашиваю я, заранее зная ответ.

– У меня взрывается душа от его машины, – смеется Алиса. – Кстати, а как там Поклонник?

– Без понятия. Пропал, – пожимаю плечами я.

– Подозрительно это всё.

Я соглашаюсь. Подозрительно.

Следующие дни проходят относительно хорошо. Я еще раз встречаюсь со Стасом, отдаю ему портрет сестры, а он учит меня кататься на скейте в парке, как и обещал. У него это получается отлично – и не скажешь, что долгое время он не стоял на доске. Скейтов Стас приносит два – один свой, с глубоким конкейвом и яркой фиолетово-черной графикой, второй, как он сказал, для новичков, а еще шлем, который надевает мне на голову и ремешок которого застегивает под подбородком.

Стас учит меня стоять, держать равновесие и балансировать, объясняет, какую ногу использовать в качестве опорной. Наверное, я должна чувствовать радость и предвкушение, но моя единственная мысль: как бы не упасть. И, разумеется, в самом конце я падаю и до крови царапаю ногу. Но это пустяки – Стас заклеивает царапины пластырем. Именно в этот момент мимо проходит друг детства, живущий в соседнем доме. Он давно катается на скейте.

– О, Геля, привет! – радостно улыбается он мне. – Осваиваешь доску? И как, нравится?

– Привет, Олег! Нравится, – отвечаю я. – Только не нравится падать.

– Без боевого крещения никак, – подмигивает он мне. Мы перекидываемся еще несколькими фразами, и Олег уходит.

– Кто это? – спрашивает Стас, глядя ему вслед.

– Ревнуешь? – смеюсь я. На самом деле я не знаю, встречаемся мы или нет. Это наше третье свидание, и всё как-то не совсем понятно.

– Может быть. Он тебя просто раздевал глазами.

– Это Олег, – смеюсь я. – И поверь, ему на меня плевать – вокруг него уйма девчонок.

Встреча вновь заканчивается около моего подъезда.

В этот день Стас целуется так умело, что мне начинает казаться, будто я ему не соответствую. И не могу подарить ему столько же удовольствия, сколько хочет подарить мне он.

Я не могу расслабиться, и это приводит Демона в восторг. Он хлопает, звенит обрывками своих цепей, будто Кентервильское привидение, и даже ухает. Стас понимает, что со мной что-то не так. Он так чуток ко мне, что больше не лезет с поцелуями. Просто обнимает.

И я ему благодарна.

Поклонника всё нет и нет, и меня это злит. Он так хотел, чтобы я впустила его в свои мысли, а теперь взял и пропал! Мог хотя бы объяснить свое поведение. Или это его новый метод заставить думать о себе?

Я решаю, что больше не буду о нем вспоминать, хотя это то же самое, что не думать о розовом слоне: поклонник просто прописался в моей голове. Зато цветов становится всё меньше и меньше. А поводов для шуток у Демона – всё больше.

Рисовать тоже не получается – портрет Стаса так и не выходит, да и времени у меня мало.

Во вторник у Алисы День рождения, и она собирается отпраздновать его в клубе с друзьями и Игорем. А на выходных – с родными. Алиса заранее бронирует столик в модном клубе и говорит, чтобы я обязательно позвала Стаса. Честно сказать, я не хочу идти в клуб – терпеть их не могу, теряюсь в оглушительной музыке и неудобно чувствую себя в толпе незнакомых людей, но это же День рождения лучшей подруги. Я не могу не пойти. Правда, и Стаса не зову – он неожиданно заболевает. Алиса огорчается – ей очень хотелось с ним пообщаться, но ничего не поделаешь.

Я была в ночных клубах несколько раз, и они казались мне абсолютно одинаковыми. Этот приятным исключением не стал.

У входа выстроилась огромная очередь желающих попасть внутрь, но Игорь легко проводит нас внутрь. Мы бы и так, конечно, прошли, раз уже заказан столик, но Игорю очень хочется казаться крутым в глазах Алисы: этот клуб принадлежит какому-то его знакомому. У него получается – нам вслед завистливо смотрят и даже возмущаются.

Я не понимаю, почему на входе такая очередь. По ушам отбойным молотком бьет энергичная музыка, в воздухе витает легкая дымка, а чтобы услышать друг друга, нужно кричать с силой оперной дивы. На огромном танцполе – полно людей, большая часть которых явно не слишком трезва. Барная стойка забита. На возвышении за диджейским пультом прыгает какой-то странный тип с дредами.

Мы приземляемся за заранее заказанный столик – такие располагаются на втором уровне. Мы – это я, Алиса, которая сегодня выглядит просто потрясающе, ее Игорь, двоюродный брат и четыре ее подруги, две из которых приехали в клуб со своими молодыми людьми. Алиса заказывает закуски, шампанское и коктейли. Она очень хочет оторваться – сегодня ей исполняется двадцать два. И ей плевать, что завтра на учебу.

Мы громко и от души поздравляем Алису. Бесконечные тосты, каждый из которых приходится выкрикивать, смех, веселье.

Я не привыкла к алкоголю, мой максимум – вино и шампанское на праздниках, а тут он просто льется рекой. Парни внимательно следят за тем, чтобы в бокалах не было пусто. Девчонки то и дело поднимают тосты, и после каждого из них нужно выпить за именинницу. Потом

появляются яркие коктейли в красивых бокалах. Один из них приходится выпить мне – его буквально суют в руки, беззаботно говоря, что он совсем слабый, больше похож на газировку.

Все вместе мы идем на танцпол. Из-за громкой музыки и бьющего в глаза света прожекторов у меня начинает кружиться голова, но я танцую, пытаюсь понять, что значит «оторваться по полной». Сначала мои движения скованны и зажаты – мне страшно показывать, как я на самом деле умею танцевать, как я делаю это почти каждый день дома, держа в руках вместо микрофона фен или бутылку. Но я уговариваю себя попытаться раскрепоститься, и в какой-то момент мне это более-менее удается. На меня с интересом смотрит брат Алисы, а потом пытается познакомиться какой-то незнакомый парень с выбритыми висками и пучком на затылке – кажется, такая прическа называется «топ кнут». Я не хочу знакомиться с ним, мне хорошо одной, но он лишь ухмыляется, словно не верит мне.

Так же дружно мы возвращаемся за столик. Игорь – выразительный блондин – не сводит с Алисы жадных глаз, и они то и дело целуются. Кажется, этот Игорь – горячий парень. И очень нетерпеливый. Впрочем, подруга смотрит на него точно так же. И мне кажется, что им очень хочется уединиться.

Поздравления продолжают. Меня уговаривают выпить второй бокал коктейля, потом третий – мне не хочется быть не такой, как все, не хочется выделяться, и я пью, думая, что ничего страшного не будет. А дальше с непривычки отказывают тормоза.

Пятый или шестой бокал делает свое дело. Я пьяна – впервые в жизни, и я осознаю это, но ничего не могу поделать с собой. От алкоголя нет никакой легкости – вместо нее по телу разливается тяжесть. Движения становятся скованными, мир – плывущим, в голове шумно, и почему-то очень хочется смеяться. Глаза сами собой закрываются – я хочу спать. Кажется, я никогда не пила столько. Сладость коктейлей была обманчива, и мне не нужно было поддаваться на уговоры девчонок и парней. Зато Демон доволен.

Алиса и Игорь куда-то исчезают. Остальные снова идут танцевать и зовут меня, но я не хочу и не могу.

– Останусь здесь, – слабым голосом говорю я. У меня путаются мысли, но я осознаю, что пьяна и что мне нужно как-то прийти в себя. И знаю, что завтра буду ненавидеть себя за то, что поддалась на уговоры и выпила тот проклятый первый коктейль, после которого всё началось.

Ребята уходят, а я борюсь с желанием лечь на диванчик. Ресницы слипаются всё больше и больше. Я хочу провалиться в бездну.

В какой-то момент надо мной нависает тень.

– Красотка, почему ты осталась одна? – спрашивает тот самый парень с выбритыми висками и пучком на затылке. Он без спроса подсаживается ко мне, оглядывается и кладет руку на плечо.

– Убери, – говорю я со злостью.

Он понимает меня, хоть и не слышит из-за гремящей музыки, смеется, гладит меня по щеке и кладет руку на колено. Его пальцы скользят по моей ноге вверх.

Каждое его движение отвратительно, меня начинает тошнить. Я пытаюсь убрать его ладонь, но ничего не получается. Тело плохо слушается меня, а силы покинули. Глухая ярость разрывает меня, но я ничего не могу поделать с этим уродом.

– Хочешь, мы хорошо проведем время?! – громко обещает он, склоняется к моему лицу и... и отлетает в сторону. Высокая мужская тень легко откидывает его на пол, склоняется и что-то говорит. Что, я не слышу.

Он вскакивает и пытается ударить тень, но тень не только сильна – она ловка и легко уходит от удара. Сзади парня с выбритыми висками появляются еще две тени. Несколько коротких движений – и он вдруг становится послушным, разрешает им увести себя под руки. Отчего-то мне становится ужасно смешно – еще одна реакция на алкоголь.

Тень занимает его место, садится рядом, но не касается меня. Перед глазами всё расплывается, я не могу сосредоточиться на ее лице, не могу разглядеть его, но улыбаюсь. Тень нравится мне. Я не чувствую опасности, исходящей от нее, – только странное притяжение. И наверняка в этом тоже виноваты коктейли.

Горят щеки, на кончиках ресниц искрится непонятная нежность, в запястьях бьются океанские волны – словно о песчаный берег. Это еще не буря, но где-то за темнеющим горизонтом идет гроза, вздымающая воду до самых небес.

Между нами всего несколько жалких сантиметров.

Несколько глотков воздуха.

Одно прикосновение.

Тень молчит и не смотрит на меня, а я не отвожу от нее взгляда, пытаюсь разглядеть лицо. Этому мешают яркие прожекторы, бьющие в глаза, и я сосредотачиваюсь на руках, лежащих на коленях. Когда-то давно я часто рисовала такие – мужественные, красивые.

Черная рубашка небрежно закатана до локтей. Сквозь светлую кожу проступает рисунок вен. Руки сильные и крепкие, при этом не лишены изящества. Широкие ладони, длинные пальцы, выступающие костяшки, аккуратные ногти – классика привлекательных мужских рук, от которых без ума девушки. В таких руках нестерпимо хочется утонуть. Таким рукам хочется довериться. Их хочется взять в свои и водить кончиками пальцев по глубоким линиям, растирать талым снегом и греть дыханием.

На указательном пальце его левой руки – кольцо в форме морды волка, состоящее из белого металла и сверкающих холодных камней разной огранки. Глаза – два треугольных монохромных голубых камня.

Это не дешевое грубое кольцо из хирургической стали и стекляшек – это настоящее ювелирное произведение, дорогое, но без тени намека на вульгарность. Камни идеально подогнаны друг к другу. Я заморожена их блеском. Но даже если снять его, рука незнакомца останется такой же красивой.

Я не без труда накрываю жилистую сухую ладонь тени своими пальцами – он вздрагивает. И кладу голову на его плечо.

– Спасибо, – говорю я, не зная, расслышит ли он меня.

Мне хочется раствориться во тьме – вместе с ним.

Тень поднимает мою голову за подбородок и рассматривает мое лицо. Мне кажется, что он усмехается.

– Отстань, – бормочу я и обнимаю его, как будто бы делала это уже много раз, прижимаясь щекой к твердой груди. Почти отключаясь, я чувствую аромат северного моря и озона.

Холод и свежесть. И – неожиданно – нотки горьковатого кленового сиропа.

Этот запах сводит меня с ума. Я хочу вдыхать его вечно. Хочу выпить его. Хочу раствориться в нем будто в лунном свете.

Мои пальцы мнут ткань его рубашки, и я сильнее прижимаюсь к его груди. Меня охватывает щемящее чувство бесконечного полета над необъятным северным морем, над врезающимися в скалы фьордами, над безмолвно ревущими айсбергами, над берегами, вымытыми шипящей серебряной пеной.

В этом полете нас двое – он и я.

– Не уходи, – прошу я. – Пожалуйста, не уходи.

Я не хочу оставаться одна.

Не знаю, почему, из-под моих ресниц появляются слезы и попадают на его рубашку.

И я наконец проваливаюсь в бездну, а надо мной смыкается темная вода, не пропускающая солнечный свет.

Последнее, что я помню, – меня берут на руки и несут.

В темной воде безопасно и хорошо. Я нежусь в ней, раскидываю руки, смеюсь. Демон пытается пробраться сюда, но каждая его попытка обречена на провал, и он в агонии воет где-то вдали. Мне даже жаль его, но подпускать его к себе я не собираюсь.

«Сестренка, а вот и я, – слышу я вкрадчивый голос Монстра – он тоже ищет меня. – Выходи, не прячься. Я найду тебя и унесу с собой».

В унисон ему звонко хохочет маленькая девочка. Она начинает считать от одного до десяти, но мне всё равно. Страха больше нет. Темная вода защищает меня ото всех.

Кажется, мы куда-то едем. Я лежу на заднем сидении. Играет песня Muse.

Теперь это Evanescence.

Linkin Park.

Мир кружится, и я – вместе с ним.

Мы всё еще куда-то едем, и за окнами автомобиля мелькают огни ночного города.

Я чувствую аромат Северного моря.

... Я с трудом открываю глаза, когда меня кладут на что-то мягкое. Кажется, я нахожусь в своей комнате. Но если честно, мне всё равно. Главное, что со мной этот человек, – он садится рядом, и я смотрю на него.

Вокруг нас царит тьма – ее разбавляет лишь лунный свет, падающий из окна. Поэтому мне снова не разглядеть его лица – я вижу только силуэт: задумчиво опущенную голову, широкий разворот плеч, прямую спину, закинутые одна на другую ноги.

Я знаю, что он смотрит на меня, и улыбаюсь. В моей голове калейдоскоп чувств и эмоций, от связанных мыслей – одни обрывки.

Я протягиваю к нему руку – хочу, чтобы тень коснулся моих пальцев своими, но он не делает этого. Сидит неподвижно и смотрит.

– Кто ты? – слабым голосом спрашиваю я. Наверное, мне нужно бояться незнакомца, находящегося в моем доме, но страха по-прежнему нет. Он растворился, словно дым.

Его ответ – молчание. Он продолжает смотреть на меня, а я – на него, будто зачарованная. И я понимаю – что-то происходит. Зарождаются невидимые связи, нас обоих опутывают колдовские нити, в наши вены вплетаются кружева незнакомых эмоций.

Тень тоже это чувствует – я знаю.

Он встает и склоняется надо мной. Гладит ладонью по волосам, разметавшимся по подушке, обжигает дыханием мою кожу. Не знаю, что происходит, но тень целует меня, ноне в губы и не в щеку. Тень касается моего виска, задержавшись так на несколько секунд. Вдыхает запах моих волос. Проводит теплыми сухими губами по скуле, заставляя пульс учащаться. Дует на мои ресницы и тихо смеется.

– Ты ведь хочешь этого? – спрашивает он смутно знакомым голосом, который звучит для меня как самая прекрасная музыка. – Хочу, – я тянусь к нему, но тень убирает мои руки обратно на кровать.

– Чего ты хочешь, принцесса? Скажи это вслух.

Я хочу его – без всякого намека на пошлость. Я хочу этого человека.

– Поцелуй, – шепчу я.

Тень снова смеется, и его смех царапает меня. А после склоняется еще ближе – наши щеки соприкасаются. Внутри всё замирает. Он сделает это? Поцелует меня?

Он проводит языком по верхней губе, оставляя влажный прохладный след, и резко отстраняется. Это так остро – словно по ней провели тонкой бритвой. Только боли нет. Ее сполна заменяет разочарование.

– Спокойной ночи, принцесса, – насмешливо говорит тень.

– Кто ты? – повторяю я, снова начиная проваливаться в бездну, наполненную темной водой.

– Твой поклонник, – громче смеется он и укрывает меня одеялом.

Я улыбаюсь и закрываю глаза.

Если бы я рисовала его, я бы изобразила северное сияние. Расписала бы ледяное полупрозрачное небо сверкающей акварелью.

Влажная бумага, размытый обсидиановый фон, ломаные линии, волны, зигзаги и завихрения. Яркие цвета – розовый, алый, лимонный, зеленый, фиолетовый – все они устремляются к самому куполу неба. Сияющий, словно алмазы, снег и вековые ели.

От этой картины пахло бы морем. Ее музыкой стал бы далекий морской прибой и дыхание ветра. И я бы любила эту картину больше любой другой.

Я ненавижу цветы?

Черноволосая девушка открывает глаза и пытается понять, где находится. Ее голова раскалывается, помада безобразно размазана – кажется, будто у нее улыбка Джокера, на виске и щеке запеклась кровь. Зрачки расширены, в них плещется животный ужас.

Девушка связана. Руки заведены назад, веревка вонзается в тонкую загорелую кожу. Только ноги свободны – тот, кто поймал ее в свои сети, небрежно решил, что пленница и так никуда не денется от него.

Она лежит на красивой кровати с резной королевской спинкой. Алое платье помято, на голых ногах ссадины, длинные ногти обломаны. Она так старательно убегала от монстра, так хотела вырваться из его владений, куда пришла добровольно, думая, что ее ждет удача, а он играл с ней, как кот с мышью, загнал в капкан и, когда она думала, что почти на свободе, ударил по голове. И принес сюда, пока она была без сознания.

Девушка понимает, что кричать бесполезно. Здесь только она и он, монстр. Но она должна попытаться выжить. Она не может лежать на этой кровати и ждать его.

Девушка встает, преодолевая боль в голове и в ноге, – кажется, убегая от монстра, она повредила ее. Кусая губы, беззвучно плача, она идет по комнате, освещенной пламенем десятков тонких свечей. Окна заколочены, и девушка бросается к единственной двери. Ужас мешает ей думать – он опутал ее липкими едкими щупальцами и не отпускает.

Толкнув дверь плечом, девушка выбегает в коридор, тускло освещенный алой подсветкой. Никого нет. Тогда она бежит по пушистому ковру, гонимая страхом и отчаянием. Заворачивает за угол. Вздрагивает. Ей кажется, что впереди стоит монстр в белых одеждах со скорбным лицом, за спиной которого вздымаются крылья, а вместо глаз – черные кресты, похожие на знак умножения.

Девушке кажется, что монстр сейчас нападет на нее, но она понимает – это всего лишь картина, выполненная в полный рост.

Неподалеку от картины – окно. Открытое. И за ним светятся огни домов, даже собака где-то в отдалении лает – значит, совсем рядом люди, и она может спастись. Нужно всего лишь вылезти в окно, прыгнуть – это второй этаж, она справится – и бежать к огням.

«Ты сделаешь это, – думает она про себя, стараясь разорвать щупальца ужаса, которые почти добрались до ее сердца. – Ты сильная. Вперед!»

Но она не успевает сделать и шага.

– Ты пришла в себя раньше, чем я рассчитывал, – слышится за ее спиной мужской голос.

Девушка оборачивается. Это монстр. На нем белая маска с черными прорезями для глаз, от уголков которых текут кровавые слезы. А еще – черный балахон. В его руке бита.

Она пятится, глотая воздух ртом и не в силах оторвать взгляд от биты. Знает, что будет дальше. Страх заполняет всё ее существо, крошит, корежит, мучает. Девушка падает. Некогда сильная, смелая, амбициозная, теперь она кажется сломленной. – Тот, кого ты любишь, отдал

тебя мне, – любезно сообщает монстр, надвигаясь на нее. – Поэтому искать тебя никто не станет.

– Почему... почему я? – помертвевшими губами спрашивает она, понимая неотвратимость происходящего. – Потому что ты обижала мою сестру. Оставила на ее теле безобразный шрам.

Монстр размахивается.

Его логово заполняет отчаянный крик, который тотчас стихает.

Белая маска монстра забрызгана кровью.

На темных волосах девушки появляется белая лилия. Смотрится замечательно.

Часть 2. Зависимость

Abyssus abyssum invocat.

Бездна взывает к бездне.

Это было большим просчетом –

Тихий рай выплестать паутиной.

Почему это ты, а не кто-то,

Кого я б легко мог покинуть?

Почему ты молчишь, как святая,

В твоём храме я осквернил стены.

Защищайся, когда нападаю,

Не играй, покажи, кто твой демон.

Я дошел. Я был в метре от рая.

Но твой голос услышал поздно.

Лишь когда я тебя потеряю,

То впервые увижу звезды.

Глава 1

Я просыпаюсь резко, внезапно, словно меня окатили ледяной водой.

Мне жарко под одеялом, которым я укрыта по самый подбородок. Ужасно болит голова – словно ее сверлят и пилят одновременно. До безумия хочется пить – во рту пересохло, а губы кажутся деревянными.

Я поднимаюсь, в первые секунды не понимая, где я и что со мной происходит.

Это моя комната. Кроме меня в ней никого нет, но я не знаю, как очутилась в ней. Последнее, что я помню, – вспышки неона и оглушительная музыка на Дне рождения Алисы в клубе, когда мне предлагают еще один коктейль. Какой по счету, я понятия не имею.

Меня ужасно тошнит, и, несмотря на боль в голове и усталость в мышцах, я срываюсь с кровати и бегу в туалет.

Это ужасно.

Отвратительно.

Кошмарно.

Даже Демон меня жалеет.

Я не сразу прихожу в себя – мне нужно отдышаться и выпить воды. Но едва я делаю несколько глотков минералки, как вновь появляется тошнота.

Когда мой организм более-менее успокаивается, я, проклиная себя за слабохарактерность, иду в ванную комнату. Мне нужно срочно принять душ. Уже там я понимаю, что на мне

нет коктейльного черного платья – вместо него домашняя растянутая футболка, в которой я сплю. Я понятия не имею, когда и как я переоделась, и вообще – как я очутилась дома?

Я стою под теплыми струями и пытаюсь понять, что вчера произошло. Воспоминания возвращаются толчками, сверкающими алыми звездами пульсируют в моей голове, и мне становится совсем плохо – только теперь не физически, а душевно.

От приставаний какого-то козла меня защитил незнакомец, чье лицо я так и не разглядела. Он взял меня на руки и унес в свою машину. Отвез домой. Поднимался со мной по лестнице. Открыл дверь. Положил меня на кровать. Снял платье, аккуратно повесил на стул, надел на меня футболку. Укрыл одеялом.

Он вел себя так, словно был моим парнем.

От этой мысли по моему телу пробегает дрожь, и я делаю воду горячее – боюсь замерзнуть.

Обрывки ночных воспоминаний не оставляют меня. Облепляют мое лицо и шею, словно бабочки. Я закрываю глаза и вижу, как незнакомец сидит рядом со мной и целует в висок, заставляя испытать то, чего никогда прежде я не испытывала. И я тянусь к нему за поцелуем, околдованная им, хотя совершенно не знаю, кто он такой.

Кто этот человек?

«Твой поклонник», – звучит у меня в голове. И я вспоминаю его голос.

Этот голос я слышала по домофону.

Это Поклонник.

Мои ноги слабеют, подгибаются. Дыхание прерывается от ужаса. К горлу снова подступает тошнота, и я зажимаю рот руками.

Я была слишком глупа, думая, что человек, превративший мою спальню в оранжерею, так просто исчезнет из моей жизни.

Мне приходится опуститься в ванну, чтобы не упасть. И я сижу, прижав к себе колени, сутулясь в плечах, так, что выпирают позвонки.

Я ненавижу цветы.

Выйдя из ванной, я стою напротив зеркала, сама себе напоминая привидение. Я морально растоптана и унижена.

Неудачный поход в клуб

Я предательница?

«Ты всегда была такой, – хихикает Демон, потирая лапы. – Просто вспомни. Вспомни-вспомни-вспомни».

Поклонник называл меня принцессой. Как тогда, в моем странном сне, который приснился мне в ванной.

Что это значит? Он уже бывал в моем доме? Следит за мной? Знает обо мне всё? Откуда-то наблюдает за мной?

Я закрываю плотными шторами окна во всей квартире, проверяю, всё ли на месте, прислушиваясь к себе и, придя к выводу, что всё в порядке, жадно глотаю крепкий черный чай, пытаюсь понять, что происходит. И саму себя. Но, разумеется, ничего не получается. Я чувствую себя так, словно лежу в глубокой свежей яме, а меня хоронят заживо.

Бессилие и глухая обреченность наваливаются на мои плечи. В душе наступает ночь – не прекрасная, свежая, звездная, украшенная узорчатыми рукавами Млечного пути, а глухая, безлунная, страшная, с пластилиновым грязным небом и лютым собачьим холодом.

Единственный проблеск света в этой ночи – воспоминание о болезненном притяжении к этому человеку.

Память подсовывает мне фрагмент, в котором я наблюдаю за его руками, и мне хочется снова дотронуться до его пальцев.

Я бью себя по лицу, прогоняя видение. Несколько раз – так, что начинает гореть кожа. Я ненавижу боль, во мне нет аутоагрессии, но она приводит мой разум в относительный порядок. Это действенное средство успокоения.

Я дышу. Глубокий вдох – так, чтобы легкие наполнились до отказа. Выдох. Вдох. Выдох. Всё в порядке. Все проблемы можно решить.

Я говорю себе это около сотни раз – читаю, как мантру. И успокаиваюсь.

Затем ставлю разрядившийся за ночь телефон на зарядку, мне тут же начинают звонить – мама, с которой мы договорились, что я напишу ей, когда буду дома; Алиса, потерявшая меня в клубе; Стас, которому я перестала отвечать на сообщения; одноклассники, не понимавшие, почему сегодня я не появилась на учебе.

Девчонкам я говорю, что отравилась, – у меня такой слабый голос, что они верят мне. Да и как не верить? Ангелина Ланская – прилежная студентка, не прогуливает университет.

Маме сообщаю, что приехала домой ночью на такси и завалилась спать, забыв обо всем на свете.

То же самое рассказываю и Стасу, добавляя, что немного перебрала с непривычки.

А Алисе говорю правду. При встрече – она приезжает ко мне, и мы вместе гуляем; на воздухе мне становится куда лучше.

Сначала она кричит на меня, потому что думает, будто бы я убежала с ее Дня рождения и даже не предупредила ее. А когда я признаюсь, что выпила лишнего, поддавшись на уговоры ее брата и подружек, она сердится на них.

– Да какого черта, а? Зачем они тебя напоили?! Знали же, что ты не по этой части. Еще и одну оставили.

– Я сама виновата, – возражаю я чужим голосом – сама его не узнаю. – Не надо было соглашаться. Дура. Никогда так больше не буду делать.

– Я ужасная подруга, – сокрушается Алиса, держа меня под руку. – Оставила тебя с этими идиотами, сама ушла с ним. Бросила тебя ради парня.

– Всё в порядке, – говорю я. Она не виновата.

– Эта мразь, которая приставала к тебе, ничего не сделала? – спрашивает она с отвращением.

– Нет. Меня выручил один человек.

– Кто?!

– Поклонник.

На несколько секунд воцаряется тишина.

– Не поняла. Тот... самый? – непривычно тихим голосом спрашивает Алиса.

– Да.

Она выдает непечатное слово.

– Рассказывай! – требует подруга. – Рассказывай мне всё! Немедленно!

И я рассказываю. Молчу лишь о том, как меня тянуло к человеку, чье лицо я никогда не видела. Это кажется мне постыдной тайной, о которой нельзя рассказывать. Так никогда не рассказывают о сворованной в супермаркете вещи, о съеденных ночью второпях конфетах вприкуску с колбасой, о мелком и подлом обмане хорошего друга, о грязной ночи с парнем своей подруги, о забытом Дне рождении матери, которая всегда помнит о праздниках своих детей.

– Полиция, – говорит Алиса. – Однозначно полиция.

– Я тоже об этом думала. Но что я скажу? Он взял ключи из моей сумочки и привел меня домой. Ничего не сделал. Ничего не взял. Но если это повторится... Я напишу заявление.

– Я могу пойти с тобой. Это уже совсем не смешно. Он настоящий стalker. Приехал за тобой в клуб. Жаль, у нас нет доступа к камерам. Нет, конечно, хорошо, что он защитил тебя

от того уroda, но... Слушай, Ангелина, а я не поняла – Поклонник его ударил? – оживившись, спрашивает Алиса.

– Я смутно помню – очень плохо осознавала реальность в тот момент, – признаюсь я виновато. – Кажется, сначала он его оттолкнул – так, что тот упал. А потом появились еще двое. Они что-то с ним сделали и буквально утащили.

– Значит, он был не один, – задумчиво говорит Алиса. – По меньшей мере, с ним было двое друзей. Что ты еще о нем помнишь? Может быть, какие-то детали?

– Он был в черной рубашке, рукава закатаны до локтей, – отвечаю я. – А, у него был перстень в форме волка. Дорогой. Знаешь, я плохо разбираюсь в камнях, но они были необычными. Прозрачные, и так ярко сверкали.

– Бриллианты? – удивленно спрашивает подруга.

– Может быть.

– И глаза – глаза были голубыми. Как сапфиры, например. Не у него, у волка, – с усмешкой говорю я. – Но что нам даст эта информация, Алис?

– Этот клуб принадлежит брату друга Игоря. Поэтому мы туда и пошли, – признается она. – Игорь там часто бывает, и его друг тоже. Я попробую у них что-нибудь узнать. Вдруг получится? Конечно, записи с камер мне никто не покажет, но почему бы не поспрашивать, верно?

Я пожимаю плечами. Мне не верится в успех.

Сегодня она снова ночует вместе со мной, но всё спокойно. Никто не ломится в двери, не стучит в окна, не звонит в домофон. И никто не присылает новых цветов. Поклонник снова затаился. Как волк, выслеживающий добычу.

Утром мы с Алисой отправляемся на учебу. Подруга называет меня героиней – несмотря ни на что, я готова к практическим занятиям. Правда, выгляжу я как человек, который не спал двое суток подряд: помято и с кругами под глазами, которые не получается замазать.

До самого вечера мы находимся на учебе. Время от времени я переписываюсь со Стасом, который всё еще болеет. На перемене он присылает мне селфи, сделанное в кровати. Стас лежит на белой подушке, закинув одну руку за голову.

Я пытаюсь понять – есть ли в нем сходство с Поклонником, но Поклонник выше и крупнее в плечах, к тому же у них разные формы кистей и пальцев. У Стаса более худые руки и чуть менее тонкие запястья, кроме того, на предплечьях у него есть несколько маленьких родинок – если соединить их линией, то получится ромб.

А еще мне кажется, что Поклонник – брюнет.

В ответ я присылаю Стасу свое селфи – на фоне унылых стен кабинета.

«Ты грустная», – замечает он с укором.

«Тебе кажется», – отвечаю я.

«Что-то случилось?»

«Нет, всё в порядке».

– Раньше ты улыбалась, – садится рядом со мной Алиса.

– В смысле? – хмурюсь я.

– Когда переписывалась со Стасом, улыбалась. А сегодня – нет. Он тебе больше не нравится? Внутри перестало что-то взрываться?

– Ничего и не взрывалось, – отвечаю я с раздражением.

– Так-так-так, я думала, ты в него влюблена, – качает головой подруга.

– Он мне нравится, – сдержанно замечаю я. – Чтобы влюбиться, нужно еще пообщаться.

Понять друг друга.

– Нет, подруга, – уверенно заявляет Алиса, – чтобы влюбиться, достаточно мгновения.

Или ты понимаешь, что он – твой человек, или нет. Одно из двух.

– Я всё еще в процессе понимания, – хмыкаю я.

– Это так не работает. В процессе может прийти симпатия, уважение, дружба, в конце концов. А с любовью, о которой ты так мечтала, иначе. Внутри сразу что-то щелкает. Нет, это не значит, что ты влюбляешься с первого взгляда и кидаешься в объятия. Это значит, что твой мозг, сердце и тело его запомнили. Понимаешь, в чем фишка? – Алиса мнит себя человеком, который собаку съел на отношениях. Впрочем, она часто оказывается права. Как-то мы с девчонками смеялись и говорили, что ей лучше работать не с детками, а со взрослыми, у которых сердечные проблемы.

– Стас сразу понравился мне, – задумчиво отвечаю я, вертя в руках ручку.

– И на что ты обратила внимание, когда увидела его?

– Сначала, наверное, на волосы, – не задумываясь, отвечаю я. – Потом на глаза. На лицо. На фигуру.

– То есть, сначала ты запала на что-то внешнее? – допытывается Алиса.

– Ну да. Ведь это нормально, – удивленно отвечаю я.

– Нормально, конечно, я и не спорю. Сама люблю красавчиков, – смеется подруга. –

Но когда внутри у тебя что-то вспыхивает по отношению к человеку, то это происходит не потому, что у него белые волосы и голубые глаза. Это чувство безусловное, фактически на уровне рефлексов. Ты видишь его и *запоминаешь*. Твой мозг запоминают твою на него реакцию. Химическую реакцию. А потом уже ты видишь и цвет волос, и цвет глаз, и фигуру, и одежду.

Я снова вспоминаю эпизод в ванной комнате, в клубе, и со злостью понимаю, что по отношению к Поклоннику так и было. Сначала вспышка притяжения, потом всё остальное. Но не признаюсь. Даже сама себе. Для этого мне нужно время.

Алиса права – я слишком упрямая.

Домой я возвращаюсь поздно – мы с девчонками готовим групповой проект, и я пытаюсь выложиться на все сто. Мы занимаемся в гостях у одной из них, Светы, – она живет в центре, неподалеку от университета, и домой уезжаем часов в одиннадцать. Алиса, как всегда, готова ночевать со мной, но я говорю, что всё в порядке. Мой страх постепенно исчезает. Ну, а Демон – Демон всегда со мной.

По дороге я разговариваю по телефону. Сначала с мамой, которая приедет через две недели. Потом – со Стасом.

– Я скучаю по тебе, – говорит он и кашляет. – Как только поправлюсь, встретимся, хорошо?

– Конечно, – отвечаю я. – Ты будешь продолжать учить меня кататься.

– Вообще, я хотел предложить тебе сходить в кино. Хочешь?

– Хочу. А на какой фильм?

– На какой ты скажешь, Ангелина. Слово моей девушки – закон.

– Я твоя девушка? – спрашиваю я неожиданно для самой себя.

– А ты не согласна ею быть? – после заминки уточняет Стас.

Мне кажется, он расстроен. И я чувствую себя подлой предательницей. Меня тянуло к другому. Я хотела поцеловать другого. Я даже просила его сделать это, хотя я даже его не знаю!

– Согласна, – отвечаю я. – Теперь ты – мой официальный парень.

– Да, – смеется Стас. Кажется, он встает и идет куда-то. И я слышу шум волн.

– Что это? – удивленно спрашиваю я.

– Телевизор, – отмахивается Стас. Шум волн моментально пропадает.

– Выздоровливай скорее, – прошу я. – Я тоже скучаю.

Мы прощаемся – мне настойчиво названивает Алиса.

– Что такое? – говорю я, отвечая на звонок. – Читай мои сообщения! – шепотом велит подруга и отключается.

От нее приходит десяток сообщений, и я узнаю то, о чем даже не мечтала узнать. Однако мой телефон не вовремя разряжается – нужно заменить аккумулятор.

В просторной и светлой художественной мастерской сотни картин. Они висят на стенах в тонких красивых рамах, стоят на выбеленном дубовом паркете, прислонившись к кипенно-белым стенам, украшают собой мольберты, лежат на мягком сливочном диване. Большие картины, маленькие, квадратные, прямоугольные – они всюду. Это их безмолвное царство.

Хозяин мастерской работает в технике масляной живописи, поэтому в работе у него сразу несколько картин. Они кажутся яркими и в то же время нежными, своеобразными, хотя опытный глаз тотчас заметит подражание прерафаэлитам. Тут есть портреты – преимущественно красивых спящих девушек, несколько пейзажей, но больше всего картин с изображением евангельских сюжетов. Особенно много ангелов – в светлых одеждах, с сияющими крыльями, протянутыми руками, похожих друг на друга, как братья. Их лица печальны, но света, падающего в мастерскую из больших окон, так много, что кажется, будто эта печаль растворяется в свете и глаза ангелов лучисты и наполнены солнцем.

А еще тут много цветов в вазах. Все до единого срезаны.

По широкой деревянной лестнице, ведущей на второй уровень, в зону отдыха, спускается молодой мужчина лет двадцати семи в длинном халате, запахивая его на ходу. Он среднего роста, достаточно хрупок, с острыми плечами и мягкой поступью. У него светлые, почти льняные волосы, собранные в короткий хвост, и светлые глаза, на солнце кажущиеся бледновасильковыми. Лицо у него тонкое, одухотворенное, даже мечтательное. И сразу понятно, что мастерская принадлежит ему, а сам он – художник.

Он спускается на нижний уровень, проходит мимо двух стеклянных столов, на которых стоят краски, банки с кистями, бутылки с маслами и растворителями. Подходит к третьему – к функциональному столу-мольберту, на котором лежат листы с набросками и висит недописанная картина. Художник задумчиво смотрит на холст, потирая подбородок, – что-то ему не нравится.

На нем изображена хрупкая обнаженная девушка. Она сидит на кровати, застеленной белой шелковой простыней, и прикрывается одеялом – сначала кажется, будто бы ее застали без одежды и она стыдливо пытается спрятать себя за куском материи. Но если присмотреться, можно понять, что в этой работе слишком много скрытого эротизма. Кошачья грация, призывный взгляд, лукавая полуулыбка.

Девушка не прикрывает себя, напротив, она раскрывает одеяло, и художник словно застал ее за этим моментом и запечатлел.

Он внимательно смотрит на картину.

Длинные карамельно-русые волосы, хрупкий овал лица, карие глаза с золотистыми крапинами, обрамленные длинными ресницами, аккуратный носик, полные губы. Она естественна и прекрасна.

Это Ангелина.

– Нужно еще поработать над тобой, – сам себе говорит художник. – Ты должна снова мне позировать. И только попробуй сказать, что устала.

На его лице появляется довольная улыбка. Он говорил не сам с собой. Он говорил с ней.

– Сегодня нужно много успеть, – ласково сообщает картине художник. И, что-то насвистывая, направляется к арке, ведущей из мастерской в другое помещение. На несколько секунд он останавливается у лестницы – под ней находятся стеллажи. На одних стоят книги по изобразительному искусству и живописи на разных языках, на других – статуэтки, а на каких-то – фотографии в деревянных рамах.

Он берет одну из фотографий и протирает стекло рукавом. Со старого бледного снимка на него смотрит мальчик с льняными волосами лет двенадцати, который обнимает за плечи свою смеющуюся сестренку.

Художник улыбается воспоминаниям, ставит рамку на место и заворачивает за угол.

Оттуда он возвращается не один, а с темноволосой девушкой в алом платье. Тащит ее тело за ногу, оставляя на паркете кровавый след.

Всё так же что-то напевая, художник с трудом укладывает неподвижное окостеневшее тело на один из диванов, втыкает в волосы лилию и начинает рисовать.

Солнце на улице скрывается за тучи. В мастерской тотчас темнеет.

На самом деле глаза ангелов на картинах полны скорби – нужно лишь присмотреться к ним получше.

Глава 2

Выйдя из метро, я иду по знакомым улицам, желая поскорее добраться до дома. На душе беспокойно – мысли похожи на обрывки черных нитей; где-то каркает ворон, словно предупреждая.

Я твержу себе, что должна перестать бояться, иначе я просто стану безумной. И, стараясь быть смелой, иду вперед, глядя на свою тень и думая о том, что прислала мне Алиса.

Неподалеку от дома, в пустынном безлюдном месте, меня вдруг останавливают.

– Девушка, – слышу я вкрадчивый мужской голос и тотчас ускоряю шаг. Но мне преграждают путь.

Их трое.

Обычные парни в обычной одежде. Ничего примечательного.

Только улыбки у них необычные – они глумливо скалятся, глядя на меня, и я сразу понимаю, что дело плохо.

Парни обступают меня с трех сторон, отрезая путь к бегству, и я беспомощно оглядываюсь – вокруг никого нет. Я в ловушке, которая внезапно захлопнулась. Но пытаюсь выбраться из нее: достаю свой канцелярский нож-скальпель для резки бумаги. Видя его, они весело хохочут.

– Милая, это что у тебя в руке? Что за игрушка? – спрашивает один из них, загорелый, улыбчивый и с потухшими глазами. Такие глаза с невидимыми шрамами, словно забывшие, что такое свет, меня всегда пугали. Я безошибочно находила таких людей в толпе. И чувствовала их желание причинить боль.

– Что Вам нужно? – спрашиваю я дрожащим голосом.

– А как ты думаешь? – сплевывает второй – глаза у него чуть живее, но лицо жесткое и злое.

– Без понятия, – говорю я, всё еще стараясь быть смелой. – Могу я пройти?

Они снова хохочут, и Демон – вместе с ними. Весело, заливисто. Он чувствует беду. Это подпитывает его.

– Какая ты недогадливая. Покажи-ка, что у тебя в рюкзаке.

Они забирают рюкзак – срывают его с меня так, что трещат швы на лямках. И роятся, комментируя, высыпая содержимое прямо в грязь под ногами. Находят конспекты, учебники, резинку для волос, ручки, полупустой бутылек с туалетной водой, блокнот.

Страх нет – он будет потом. Есть оторопь, есть удивление и есть желание выжить. Я ненавижу чувствовать себя мышкой, загнанной в угол. И еще крепче сжимаю свой нож, хоть он и бесполезен. Но это единственное мое оружие.

Они добираются до кошелька – он белый, прямоугольный, на нем изображена веселая панда. Находят несколько купюр, проездной, какие-то старые чеки.

– Что-то у тебя с деньжатами негусто, – качает головой тот, с потухшими глазами. – Может, чем другим нас порадуешь, а?

Меня пытаются погладить по волосам, но я не даюсь. Хватают за руки, но мне удается вырваться. Телефон выхватывают из моих рук и, глумливо цокая языками, сообщают, что «задорого его не толкнуть». Как будто бы я должна их пожалеть!

Меня прижимают к стене гаража, отпуская пошлые шутки. Нужно кричать, но я молча смотрю на них большими немигающими глазами. И из-за игры света и тени мне вдруг кажется, что головы у них крысиные. Смотрят, скалятся черными пастями, пронзают глазками-бусинками, шевелят носами. Они отвратительны.

Я поднимаю нож.

– Какая смешная, – глухо говорит третий, с медью в коротко стриженных волосах. – И что ты нам сделаешь, чертова ты кукла?

«Бей по шее, там, где яремная вена», – подсказывает Демон, и я заносу руку. У меня есть несколько драгоценных мгновений, пока они хохочут – не видят во мне серьезного противника. Я для них лишь развлечение. Крысы сжирают мышей.

Я не слушаю Демона и все-таки бью ножом по плечу того, кто стоит ближе всех ко мне. Да, это всего лишь канцелярский нож-скальпель, но он остр и рассекает не только ткань спортивного костюма, но и кожу.

Парень от неожиданности делает шаг назад, шипя что-то мерзкое, я бью по коленной чашечке второго и пытаюсь сбежать, но третий, с потухшими глазами, ловит меня и наотмашь бьет по лицу – так, что я падаю. Нож вылетает из моих рук.

– Какая ты ловкая, милая, – говорит он, присаживаясь рядом со мной на корточки и за волосы поднимая мою голову так, чтобы я смотрела на него. – Наверное, еще и гибкая? Сейчас и узнаем.

Тот, кого я ударила ножом, бьет меня по ребрам – так, что из глаз сыплются искры, а дыхание перехватило.

Меня никто никогда не бил.

«А я говорил, что надо перерезать вену! Тупая тварь!» – кричит страшно Демон.

– Стерва! До крови ведь! – жалуется друзьям тот, кого я ранила. И бьет меня снова – попадает по бедру.

Мне очень больно, но я молчу, сомкнув губы, с ненавистью смотрю на него. Мне снова кажется, что у них крысиные головы. И меня накрывает волна отвращения.

Меня поднимают на ноги, всё так же унижительно держа за волосы, пытаются снять тренчкот. Я все-таки начинаю кричать, но мне закрывают рот. Я чувствую отвратительный запах дешевых сигарет.

Это всё как-то нереалистично – и люди с крысиными головами, и боль, и унижение, и чужие руки на моем лице. Я словно наблюдаю за этим со стороны. И не знаю, что будет дальше.

Включается диссоциация. Психологический механизм защиты, когда кажется, будто всё происходит не с самим человеком, а с кем-то посторонним.

«Я их убью», – говорит Демон, и в моей голове вихрем закручивается тьма.

А они вдруг отпускают меня – словно я стала ядовитой.

– Чувак, ты чего? – вскрикивает один из них. Я оборачиваюсь и вижу, что позади стоит парень из подъезда, по плечу которого я несколько дней назад попала дверью. Он одет в ту же черную толстовку с капюшоном, черные джинсы, черные кроссовки. А в его вытянутой руке – черный пистолет с глушителем. Тоже черным.

Люди-крысы смотрят на него с испугом. У меня вдруг отлегло от сердца. Я понимаю, что спасена.

– Пугалка, – неуверенно говорит тот, у которого в волосах медь.

– Настоящий, – не глядя на него, хрипло отвечает парень с жестоким лицом.

– Слушай, ты чего? Отпусти пушку, а? – В тусклых глазах загорается мертвый огонь. – Ну, серьезно. Ты чего? Что хочешь? За девчонку вступился? Так мы это... ничего не делали. Только поугадали чуток. Мы пойдем, да?

Они хотят уйти, но он им не разрешает.

– Стоять, – знакомым голосом говорит парень в капюшоне. Люди-крысы замирают. Настороженно шевелят носами.

– Чего, брат? – фамильярно спрашивает один из них.

– На колени.

– Чего? – они непонимающе смотрят на него.

– На колени перед девушкой, – велит парень в капюшоне.

– Слушай, а ты ничего не попутал? – спрашивает тусклоглазый. – Ничего мы с твоей девкой не сделали. Или что, расстреляешь нас тут?

Вместо ответа незнакомец широко улыбается и касается пальцем спускового крючка. Никаких театральных возведений курка. От него исходит давящая энергетика.

Этот незамысловатый жест куда сильнее слов. Люди-крысы ошарашенно смотрят друг на друга и медленно начинают опускаться на колени.

– Не передо мной, – говорит парень. – Перед ней.

Они неловко поворачиваются ко мне. Смотрят с ненавистью, готовые разорвать в любое мгновение, обжигают глазами-бусинками, шевелят усами. Но не могут не подчиниться. Им страшно. Они чувствуют его силу.

– Скажите что-нибудь, – подбадривает их парень с пистолетом.

– Что? – скрипят они зубами.

– Как вам жаль. Какие вы плохие ребята. Что-нибудь в этом духе.

Я не знаю, зачем он играет с ними. Разве не понимает, что в любой момент они могут выйти из-под его контроля? Видно же, что они на пределе. Их держит только страх.

– П-прости, п-подруга, – говорит мне один.

– Мы хотели тебя поугадать, – подхватывает второй.

– Не злись, попроси своего приятеля убрать пушку, – просит третий.

Их ненависть, взгляды, крысиные морды – мне от всего этого тошно. Так, словно меня окунули в грязь, в которой валялись свиньи.

«Пусть лижут землю, на которую ты упала», – подсказывает мне Демон.

Нет.

«Пусть бьют друг друга до визга, до клочков шерсти, до вкуса крови».

Нет.

«Пусть поцелуют друг друга? Облизнут морды длинными вонючими языками».

Нет.

Парень в капюшоне выжидающе на меня смотрит.

– Уходите, – просто говорю я.

Они спешно встают и смотрят на незнакомца, который остается спокойным, словно и не держит в руке оружие.

Он нехотя кивает, и они, толкая друг друга, убегают во тьму. Мне кажется, что я вижу виляющие лысые хвосты. – Я тебя еще достану, гнида! – обещает откуда-то из-за кустов дрожащим голосом тусклоглазый. Он чувствует себя в безопасности, но только на расстоянии.

Так мышкой завладел кот. Или волк.

Парень в капюшоне убирает пистолет и, опустившись на одно колено, методично собирает мои вещи в рюкзак. А я просто стою и смотрю на него.

Это Поклонник. Я узнала его по голосу. И по кольцу в виде волка. А он понял, что я узнала, и не стал устраивать цирка.

Надо же, тот хамоватый тип оказался Поклонником. И, судя по всему, он живет со мной в одном подъезде.

Я должна быть потрясена, должна кричать, требовать объяснений, но я молчу. Стою, словно скульптура, и не двигаюсь. Слишком много всего на меня навалилась, и моя психика снова спасает меня. На этот раз тем, что принято называть изоляцией аффекта. Это еще один вид защиты, направленный против поглощения сознания эмоциями. Этакое сохранение холодного рассудка. Заморозка чувств.

Нетипичная для меня защита. Раньше я всё время убегала, а теперь принимаю происходящее и даже пытаюсь осознать.

Поклонник подбирает купюры, которые люди-крысы вытащили из моего кошелька и не успели запихать в свои карманы, поднимает испачканный и порванный тренкот и накидывает мне на плечи. Поклонник стоит позади меня, не касаясь, а я чувствую исходящее от него тепло – мне хочется откинуться назад, на его грудь, но, разумеется, я не буду так делать.

– Испугалась? – спокойно спрашивает он, поднимая мой телефон. Он цел, но на экране паутина трещин.

– Нет, Матвей. – Я впервые называю его по имени. Пробую это имя на вкус, словно мятную конфету, смакую, пытаюсь понять – вкусно или нет?

– Как узнала мое имя? – в его бархатном голосе любопытство. Он не шокирован, даже не удивлен – ему просто интересно.

– Я запомнила тебя по рубашке и кольцу, – отвечаю я так же спокойно. – Подруга спросила знакомых из того клуба. И они поняли, кто ты такой.

Именно поэтому Алиса и писала.

Она обо всем узнала. Игорь и его приятель, брат которого был хозяином клуба, почти сразу поняли, о ком речь. Я с изумлением читала ее сообщения, которые приходили одно за другим. Алиса из тех людей, которые могут присылать по одному слову.

«Я ЭТО СДЕЛАЛА, ПОДРУГА! НАШЛА ТВОЕГО ПОКЛОННИКА!»

«Буду писать тебе, потому что всё еще с Игорем».

«Его зовут Матвей Веселов!!!»

«Ему около двадцати пяти или что-то вроде того».

«Наследник «Аутем-Групп», старший сын Михаила Веселова. Этот мужик был очень богатым, но не светился в СМИ и не светил семью, умер несколько лет назад».

«Этот Матвей тоже скрытный, мало где появляется, информации по нему мало!»

«Говорят, закончил МГИМО, еще учился где-то за границей».

«У него есть девушка, старая знакомая Игоря и его друга, поэтому они его сразу вспомнили».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.